

A painting of a man with long, dark hair, wearing a brown jacket and dark pants, sitting on a balcony. He is playing an acoustic guitar. The balcony has a metal railing. In the background, there are several multi-story buildings with windows and balconies. The sky is filled with warm, golden light from a setting or rising sun, with some clouds. A power line is visible in the sky. The overall mood is peaceful and contemplative.

Сергей Леднёв

Удачи в
Гвинсберне!

Сергей Леднёв

Удачи в Гвинсберне!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28744813

ISBN 9785449018113

Аннотация

Юный гитарист Эри никогда не искал приключений, но они нашли его сами: он ухитрился проснуться не в том месте, где заснул. Судьба привела его в Гвинсберн – маленький городок на берегу моря, где жизнь течёт совсем иначе. И на этот раз нельзя просто взять и вернуться домой! В лабиринте местных улиц и площадей Эри предстоит распутать клубок непростых взаимоотношений своих новых знакомых. И помогут ему в этом гитара, много-много чая, а также вера в то, что он оказался здесь вовсе не случайно...

Содержание

Пролог.	5
Глава первая.	10
Глава вторая.	20
Глава третья.	32
Глава четвёртая.	46
Глава пятая.	63
Глава шестая.	77
Глава седьмая.	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Удачи в Гвинсберне!

Сергей Леднёв

Городская история-сказка, не основанная на реальных событиях, не слишком претендующая на реализм действия, с персонажами без реальных прототипов... и вообще, нечего и читать, если не можете просто поверить в неё.

Художник Надежда Ждановская

© Сергей Леднёв, 2018

ISBN 978-5-4490-1811-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог.

Весьма странные игры

Эри проснулся с похмельем.

Было ли это настоящее похмелье, которое безжалостным палачом приходит по утрам за теми, кто не чувствует меры в выпивке? Сложно сказать. Эри не имел достаточного пристрастия к алкоголю и не был уверен, что последствия пары-тройки особо весёлых посиделок с друзьями, испытанные им на своей шкуре – то самое «похмелье», которое обычно случается у чуть более взрослых людей.

...Но откуда тогда, скажите мне, этот грохот, что сотрясает голову ударами тяжёлых молотов? Как будто двое лихих кузнецов без усталости бьют по ней, пытаясь убедить друг друга в собственной мастеровитости. Поморщившись, Эри протёр глаза... и понял, что едет в поезде.

Осознание этого факта заставило его вскочить. Голова тут же загудела, и Эри, застонав, стиснул её руками – точно боялся, что она не выдержит и развалится на части. Гулкое эхо, блуждавшее в черепной коробке, нескоро дало возможность перестать морщиться и наконец оглядеться.

Это был самый-самый дешёвый вагон поезда, где вместо закрытых купе или удобных кресел стояли в два ряда про-

стые деревянные скамьи. Неудивительно, что голова как чугу́н – нечего было ложиться ею прямо на твёрдое дерево, да же не подумав о подушке.

Но это-то ладно, боль пройдёт. Больше всего Эри интересовал другой вопрос:

«ЧТО Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ?!»

Все свои почти что девятнадцать лет жизни наш герой (вы ведь уже поняли, что речь пойдёт о нём?) привык просыпаться там же, где собирался заснуть. И было весьма странно, что эта добрая традиция вдруг вот так внезапно прервалась.

Эри попытался вспомнить, что же из случившегося вчера могло привести к неожиданному пробуждению в поезде... и не смог. Всё вертелись какие-то смутные картины: друзья, вечеринка, смех, опустевший стакан, дурацкая игра...

Стоп. Игра?

Эри мысленно застонал: о, великое вселенское безумие, неужели он согласился на это? Если всё на самом деле обстоит так – значит, в кармане должно было быть письмо. Но лучше, тысячу раз лучше, если бы его там не было... лучше бы вообще ничего этого не было! Лучше ещё раз проснуться по-настоящему – там, дома, в своей постели.

Дрожащими руками Эри залез в карман, до последнего надеясь, что найдёт лишь пыль и пустоту. Увы, пальцы сразу нащупали сложенный в несколько раз бумажный лист. Юноша развернул послание и, согнувшись, взгляделся в прыгающие перед глазами строчки.

«Доброе (надеюсь) утро, Эри!»

Юноша скрипнул зубами, с трудом удержавшись от ругательства.

«Надеюсь, ты помнишь, что вчера случилось, но если память с утра тебя подводит, то здесь я напомню обо всём...»

Эри быстро пробежал глазами письмо и всё-таки выругался.

Вчера утром родители Эри уехали в отпуск на юг, и юноша остался в опустевшей квартире, один на целых три недели. Это ли не счастье для любого тинейджера? Уже вечером квартира ломилась от всевозможных друзей, знакомых, знакомых друзей, друзей знакомых и прочих личностей. Счастливый Эри метался между ними, разносил еду и включался в короткие бессмысленные разговоры. Чуть позже вся весёлая компания смотрела глуповатый боевик про стероидного супергероя, бегавшего по заброшенному городу за какими-то террористами, попутно взрывая цистерны горючего, прыгая по крышам и разбивая собой стёкла вопреки правилам ОБЖ, человеческой анатомии и здравому смыслу. Не было разве что не знакомой Эри влюблённой парочки, которая, невзирая на правдоподобные страдания супергероя, все полтора часа его эпической беготни целовалась на балконе, укрывшись шторами от любопытных глаз. В общем, всё было как всегда. А потом пришёл какой-то дальний родственник друга приятеля с ящиком чего-то крепко-

го и уговорил Эри выпить стакан этого жуткого зелья за знакомство...

После этого бортовой самописец залитого по уши мозга отключился, но письмо вкратце проясняло дальнейшие события. Один из завсегдатаев подобных вечеринок, будучи в нескольких шагах от падения лицом в подушку (если повезёт сделать эти шаги в правильном направлении), предложил сыграть в игру под названием «Пьяная одиссея». Суть её была в том, что добровольцы напиваются практически до бесчувствия, а чуть более трезвые друзья отвозят «героев» на разные вокзалы, сажают их на первые попавшиеся поезда, и затем поутру все выясняют, кто куда уехал и кто где очнулся.

И дёрнул же чёрт Эри участвовать! И мало того, чтобы просто уехать куда-то и вернуться обратно – победит в игре тот, кто вернётся последним и расскажет самую интересную историю о своих похождениях. То есть, если ты всё ещё почему-то жаждешь не оказаться в числе проигравших, нужно провести хотя бы день-два в том месте, куда доведёт тебя поезд, и только потом отправляться домой...

Бред. Пьяный бред, на который согласится только беспокойная душа, которой не сидится на месте.

Внизу стояла кривая приписка карандашом, очевидно, сделанная прямо перед отправлением:

«Удачи в Гвинсберне!»

Глава первая.

Два города

– Гвинсберн. Конечная. Счастливого пути!

Женский голос в динамике, кажется, был искренне рад моему прибытию сюда. Чего нельзя было сказать обо мне.

Закинув гитару за плечи, я вышел из тёмного тамбура на залитый утренним солнцем перрон и прищурился, окидывая незнакомый город взглядом шерифа из какого-нибудь вестерна. По крайней мере, надеюсь, что это выглядело похоже.

Итак, можете меня поздравить – я полнейший кретин. Я согласился участвовать в этой дурацкой игре, которую, верно, придумал какой-то одержимый бродяжничеством маньяк. А ведь мог бы целых три недели жить в родной квартире в Альдене без надзора родителей! Пускай отдыхали бы себе на югах, а меня ждали бы ночи отрыва с друзьями, куча свободного времени для игры на гитаре, пьянящая свобода, угар и драйв... Всё, о чём можно только мечтать в течение остального года, болтаясь вверх плавниками в потоке одинаковых серых дней, нудных университетских лекций и общей шаблонности этого крошечного, зациклившегося на самом себе мирка.

Ладно, проехали. Итак, что мы знаем о Гвинсберне? Небольшой старый город на побережье, главный морской порт нашей страны, настоящий центр паломничества любителей старинной архитектуры, место производства наших лучших гитар (хотя бы это я должен знать!) и довольно посредственного пива. Вот, пожалуй, и всё.

Ладно, пора наконец сойти с перрона и осмотреться.

Стоп... Если я здесь, то что же у меня дома творится?!

Эри вбежал в зал ожидания так, словно опаздывал на поезд – с той лишь разницей, что бежал он как раз со стороны перрона, а не на него. Перемахнув через чьи-то ноги, он ворвался в телефонную будку и, грохнув дверью, судорожно нащупал в кармане чудом завалывшийся жетон... Да, кто бы знал, что подобранный неделю назад на улице железный кругляш окажется настолько важным!

Срывающимися пальцами Эри набрал свой домашний номер. Длинные гудки... Ну конечно, никого нет дома. Возможно, что и телефона там уже тоже нет, а незапертую квартиру обчистил какой-нибудь ловкач, случайно оказавшийся в «нужное» время в «нужном» месте...

Ладно, раз никто не взял трубку, жетон всё ещё не истрачен, и можно перезвонить... Так-так...

– Кэл? – выдохнул Эри, не дожидаясь, пока его приятель важным тоном произнесёт «Алло?». После секундного замешательства из трубки донёсся радостный голос:

– Эри! Доброе утро! Ну как там погода в Гвин...

– Паршивое утро! – вскипел Эри. Кэл на том конце провода захохотал. Да уж, кому-кому, а ему было сложно испортить настроение.

– Скажи, что там с моей квартирой?!..

– С чем? Ах да, ты же уехал, ну, я её и закрыл... Да что ты волнуешься? Ключ у меня, не беспокойся, там всё в порядке.

Не выпуская трубку из рук, Эри облегчённо сполз по стенке телефонной будки.

– Кэл... спасибо. Не представляешь, как я рад. Ты в очередной раз меня спас.

– А, да ладно, ерунда, – засмеялся приятель. – Так когда ты вернёшься из Гвинсберна?

– Чем скорее, тем лучше! Какого чёрта я вообще на это согласился?!.. Прекрати смеяться, Кэл!.. Эй, Кэл! Кэл!!! Ты меня слышишь?!

– Прекрасно слышу – с трудом выговорил Кэл, еле набрав воздух после продолжительного хохота. – А скажи, у тебя в прихожей ведь и раньше было зелёное пятно на потолке?

– Какое ещё... Вы что, умудрились там что-то изгадить?!

– Эм... ну, мы... это...

Кэла спас пронзительный сигнал, оповещающий, что для продолжения разговора требуется ещё один жетон. В очередной раз за это утро Эри выругался и повесил трубку.

Чёрте что. Я в Гвинсберне, и что же у меня есть с собой,

чтобы выжить здесь? Так... гитара, документы, смятый носовой платок, письмо. И... хм... целых три сотни ремов – два раза хорошенько перекусить, и я нищий. На обратную дорогу этого, конечно же, не хватит.

Думай, балда, раз уж влип – выкарабкивайся, как можешь. Друзей или знакомых у меня в Гвинсберне нет. За вещи денег не выручить (вы что, думаете, я продам свою гитару?!). Впрочем, гитара...

Идея! Эх ты, голова, совсем забыл, что завтра День Воссоединения! Неплохой способ заработать на обратный билет своими музыкальными «талантами». Я постою на улице, поиграю что-нибудь более-менее патриотичное в честь праздника, может даже спою... хотя нет, с моим голосом выгоднее просто сыграть. В общем, наверняка уже к вечеру я наскребу хоть немного наличных и, если повезёт, отправлюсь домой. Прощай, Гвинсберн, наша встреча была ошибкой!

Вот только где бы заночевать сегодня...

Солнце поднималось всё выше и выше, всё сильнее нагревался шершавый уличный асфальт и подставленные лучам стены домов. Эри неторопливо шагал по улицам от вокзала на окраине города к центральной площади, дожёвывая купленную по пути лепёшку с мясом и небрежно поглядывая по сторонам.

Клетчатая рубаха с широкими рукавами, под ней фут-

болка, на которой написана такая заковыристая фраза, что и не поймёшь, о чём. Рваные, вытертые по швам джинсы. Длинные угольно-чёрные волосы, зеленоватые глаза и усмешка на лице. И в придачу гитара в чехле за спиной. Глядя на Эри, вы бы вряд ли могли сказать, что ему что-то не нравится в этом городе – напротив, скорее бы добавили, что он хорошо вписывается в городской ландшафт. На самом деле в этот момент, когда утренняя головная боль вроде бы улеглась, а желудок жадно переваривал лепёшку, юноша думал, что в целом, с натяжкой, Гвинсберн не так уж и плох, сюда даже можно как-нибудь съездить... но только не так, как сегодня! Сегодня Эри ощущал себя попавшимся в ловушку. Этот город, словно затаившийся в засаде паук, сам подцепил его клейкой нитью железной дороги и, пользуясь полной беспомощностью жертвы, заташил к себе в логово.

Добравшись до центральной площади исключительно по интуиции (тратить деньги на карту не хотелось), Эри уселся на краю большого фонтана и оглядел окрестные здания. Как гласили надписи на фасадах, здесь располагалась мэрия, окружной совет и городская библиотека; все они, обладая солидным возрастом и богатым прошлым, хвастались друг перед другом изящными колоннами, золочёными статуями, затейливой лепниной и прочим декором. Наблюдать за их хвастовством было почти некому: помимо Эри, на площади было всего три человека. Казалось, город замер перед Днём Воссоединения, готовясь с началом праздника взорваться

парадами, толпами зрителей на улицах, цветами и флагами. Эри расчехлил гитару. Это была старая акустика с небольшой трещиной в деке; именно на этом инструменте юноша в своё время учился азам гитарного волшебства. Сейчас особых навыков не требовалось: юноша без труда припомнил аккорды «Объединённого Марша», который считался главной песней праздника, и намеревался самую малость порепетировать, чтобы завтра уж точно не допустить какой-нибудь досадной ошибки в игре. А заодно, смекнул Эри, можно добыть сотню-другую ремов на обед: хотя сейчас площадь пустовала, фонтан в её центре должен был притягивать людей – тем сильнее, чем ближе будет солнце к зениту. Откинув волосы за спину, гитарист улыбнулся и начал уверенно извлекать из шести струн незамысловатую мелодию...

Затею пришлось отложить, так ничего и не заработав, уже через десять минут. Увидев, как со стороны мэрии и совета к нему движется по паре охранников, явно желающих потолковать о нелегальности «музыкального попрошайничества» в таком месте, Эри схватил так и не наполненный чехол из-под гитары и понёсся прочь от фонтана с инструментом наперевес, одним прыжком перемахнув через чугунную ограду у края площади. Преследовать его никто не стал: больно велика честь для такой мелочи!

В тот день я достал лишь пятьдесят ремов, да и то с большим трудом. Судя по всему, мэр решил заранее

обеспечить безопасность грядущего праздника, и чуть ли не на каждом перекрёстке виднелась фуражка городского. И, конечно, им было настолько скучно, что ничего интереснее, чем гонять бедного нищего музыканта (то есть меня) по улицам, свистя в свои железные свистки, эти «бравые ребята» не придумали. В последний раз хотели даже выписать штраф на пять сотен ремов, но узнали, что я не из местных, и прогнали прочь, наказав более не попадаться на глаза.

После того, как меня обляял в сквере чей-то доберман и я чуть не упал в гостеприимно открытый канализационный люк, стало совершенно ясно, что Гвинсберн взамен ко мне в своих чувствах. Я не хотел уступать кому-либо в «Пьяной Одиссее», пусть даже и ввязался в неё случайно; меня не покидало странное чувство, будто во всём этом был какой-то особый смысл... а может, мне просто хотелось его видеть, хотелось думать, что моё пребывание здесь – не просто результат пьяной выходки, а нечто большее. Но сейчас я бы и ржавого рема не отдал за то, чтобы провести в этом городе лишние сутки.

В конце концов Эри решил, что чем больше он будет бродить по Гвинсберну, тем больше отыщет напастей на свою голову – чересчур ценную, чтобы ей рисковать. И поэтому уже совсем скоро он сидел с гитарой на откосе окружного шоссе, шестиполосной лентой отделившего его от города. Грохот грузовиков, то и дело пронесившихся по трас-

се, не был для гитариста помехой – напротив, извлекаемый из струн блюзовый мотив превосходно ложился на этот фон. Эри был так увлечён игрой, что проторчал здесь почти до самого заката. Окончив мелодию на мажорной ноте, юноша решил, что пора искать место для ночлега.

Вся закавыка была в том, что спать под открытым небом было опасно – из-за близости к морю погода в Гвинсберне не отличалась постоянством, и ночью мог внезапно накатить ливень. Эри не хотелось ненароком простудиться, да и переодеться было не во что. Однако ночлег под крышей предполагал два варианта: или придётся платить, или прогонят.

Впрочем, через некоторое время Эри придумал, как заночевать под крышей, да ещё и бесплатно. В Гвинсберне, как и в любом уважающем себя старом городе, наверняка найдётся множество чердаков, куда никто не заглядывает. Обойдя десяток-другой домов, уж точно найдёшь хотя бы одно достойное укрытие, где можно переночевать – а большего и не требовалось.

С этой, безусловно, положительной мыслью Эри направился обратно в город, поглядывая на крыши. Может, хотя бы сейчас ему наконец-то улыбнётся удача, которой сегодня явно не хватало?

... Что ж, если это и удача, то путь к ней был неблизкий. Я потерял счёт посещённых чердаков где-то после девятого. Везде меня встречали или закрытая на замок дверь, или

сомнительного вида бродяги. Или, как в последнем случае, загаженная голубятня, в которой пахло так, что зловоние чувствовалось аж на два этажа ниже.

Зато из этой самой голубятни я увидел соседний чердак со стеклянным окном, вылез на жестяную крышу и осторожно, опасаясь сорваться вниз, добрался до цели.

Честно говоря, изначально я собирался выбить стекло, но кто-то облегчил мне задачу: окно не было заперто, и уже через минуту я блаженно растянулся на чистых (ну может, чуть-чуть пыльных) опилках, толстым слоем покрывавших пол. Здесь не было ничего, кроме пары заколоченных деревянных ящичков. Дверь, конечно же, была закрыта снаружи на замок, но я мог вернуться на улицу утром через голубятню.

Раскрыв ставни, я сел на ящик у окна, высунул ноги на жестяное полотно снаружи и, глядя на открывающуюся картину, начал наигрывать что-то положительное и жизнеутверждающее. Моря отсюда не было видно, его загоразживали крыши, и прежде всего крыша этого же самого дома по ту сторону двора-колодца.

Здесь наверху – свой маленький город: домишки чердачных окон, деревья антенн и громоотводов, поверху тянется затейливая сеть проводов. И живут тут голуби, коты да, должно быть, какие-то люди, которым или негде больше жить, или вместо этого они считают, что жить на крыше лучше, чем в самом доме. А выше этого «верхнего» города –

облака в закатной охре. Небо, которое одно для всех – и для тех, кто на крыше, и для тех, кто живёт внизу...

Кхм, что-то я замечтался. И даже не заметил, как сама собой сплетается мелодия. Вот вернусь домой – и обязательно напишу песню про город над головами. То-то все удивятся!

Глава вторая.

Новые люди

Эри был настолько поглощён игрой на гитаре, что не услышал звука приближающихся шагов. Только когда за дверью в замке заскрипел с трудом поворачивающийся ключ, мелодия резко, на половине фразы, оборвалась. Юноше стало не по себе, и он замер, всем существом надеясь, что ослышался.

Но, увы, это было не так.

– Эй, ты там, музыкант! – донёсся низкий, рокочущий голос из-за двери. – Выходи, я тебя не трону!

В голове Эри, словно насекомые в разворошённом гнезде, закопошились мысли. Он что, попался? Зря его потянуло на брэнчание здесь, могло ведь и обойтись! Что же будет дальше? Голос за дверью доверия как-то не внушал. Прятаться здесь было негде, оставалось одно – бежать.

Через крышу?

Эри поспешно затолкал гитару в чехол, рывком застегнул молнию. Счастье, что замок ещё скрежетал, никак не желая поддаваться ключу. Может, ещё будет время, чтобы...

Не будет. Замок побеждённо щёлкнул, с силой распахнутая дверь грохнула о стену, и на пороге возникла могучая

фигура в комбинезоне, с чёрной бородищей и, как дорисовало воображение юноши, горящими глазами. Рывком сбросив гитару на плечо, Эри метнулся через окно на крышу.

Первый прыжок по ржавому покрытию дался легко. А вот на втором нога попала на свежую заплатку в кровельном полотне и предательски скользнула. Эри потерял равновесие и рухнул на крышу с оглушительным грохотом, заработав несколько ушибов и едва успев сбросить гитару с плеча («только бы не разбить!»)...

Но всё это, на самом деле, уже было неважно, потому что крыша внезапно закончилась. Будто во сне, Эри медленно съехал с карниза, изо всех сил пытаясь уцепиться за полотно... и понимая, что не сможет.

Небо, глубоко синее небо в вышине, к горизонту подсвеченное солнцем... Это пустота.

«Я умираю!

Почему я умираю?! Почему умираю именно я?! Я умираю!.. умираю? У-ми-ра-ю!»

Наружу вырвался только крик, в котором было всё – страх, страх перед смертью, перед этой неизвестностью, страх перед жуткой болью, страх, что меня ударит о землю, желание жить. И горечь от того, что я прожил так мало и моя ранняя смерть шокирует родителей, друзей...

Чёртов город, я проклиная тебя!

...Всё это промелькнуло в то мгновение, когда моё тело,

которое скоро должно было распрощаться с душой, переваливалось через край крыши. Руки всё ещё пытались уцепиться за полотно крыши... бессмысленно, всё это было бессмысленно, я всё равно что мёртв.

Я хотя бы узнаю, что такое полёт. Жаль, что вниз, а не вверх...

Страшно.

Удар был много раньше, чем я его ожидал, совсем не сильный и каким-то странный, с оглушительным лязгом железа. Той частью сознания, которая ещё продолжала мыслить, я понял: это не асфальт. Моя рука ещё пыталась уцепиться в поверхность крыши... а одна нога свисала в пустоту. Что-то, прошуриав, несильно толкнуло меня в кисть руки... гитара!

С секунду я сомневался в ответе на вопрос «я ещё жив или уже мёртв?». А затем медленно, с опаской открыл глаза.

Похоже, трагический конец откладывался. Меня «поймал» козырёк балкона, расположенный почти на метр ниже края крыши и глубоко прогнувшийся под моим весом. Вот что скрежетало!

И всё-таки я попался. Я уже слышал голос того, кто застал меня на чердаке, его грохочущие по крыше шаги, и понимал, что не осмелюсь даже пошевелиться.

Рука бородача отодвинула в сторону гитару и схватила

Эри за запястье.

– Ты только не вздумай сдвинуться, – буркнул незнакомец. Эри промолчал: кому-кому, а ему явно было не до слов. Вторая рука – могучая, как фонарный столб – схватила его за шиворот, вытянула на крышу и зашвырнула обратно на чердак, прямо в опилки. Зашипев от боли, Эри приподнялся на локте, и в этот момент проём окна почти целиком заслонил нагнувшийся бородач, державший одной рукой гитару за гриф. Из-под угрюмо сдвинувшихся бровей на юношу с неодобрением смотрели глаза, во взгляде которых не чувствовалось ни капли сожаления.

– Значит, так, малолетний бродяга, – резко начал бородач. – Какого чёрта тебя занесло на мой чердак?

Недобрый, хрипловатый голос как-то не располагал к признаниям. В другой раз Эри сорвался бы в ответ (какой из него малолетний?!), но теперь сжался, зажмурился – и промолчал. Незнакомец тем временем пролез в окно, положил гитару и ещё раз оглядел скорчившегося на опилках юношу.

– Перепугался?

Ответа не последовало.

– Молчание – знак согласия, – проворчал бородач, замолчал на несколько секунд, что-то обдумывая, и, наконец, произнёс: – Не похож ты на бродягу. Да и на наших что-то не особо... Не местный?

Эри что-то сдавленно пробормотал.

– Похоже, дело худо, – уже чуть спокойнее заключил мужчина. – Пойдём, выпьешь чего-нибудь, полегчает. А там и разберёмся, как быть.

Что было дальше, помню смутно. Меня куда-то тащили за руку – ноги не слушались, особенно ушибленная правая, и, кажется, один раз я таки-свалился на пол, болтаясь на удерживаемой руке, словно кукла. Мимо плыли стены дома, скрипнула дверь. Затем вспоминаю чашку горячего чая на столе перед глазами и какие-то вопросы, которые мой разум не понимал, и всё время хотелось что-то сказать, но слова перебивались судорожными вдохами и выдохами, превращаясь в совершенно неразборчивые звуки. Колотилось сердце, тёк по спине пот, в глазах то чуть прояснялось, то снова темнело. Кажется, мне даже щупали пульс на запястье и подносили что-то к носу.

Наконец немного полегчало. Стало понятно, что мы находимся в кухне, я на диванчике подпираю плечом стену, а бородач сидит на стуле напротив и пристально меня разглядывает. Я шумно выдохнул и схватился за голову.

– Очнулся!

Высокий жизнерадостный голос не принадлежал бородачу. Это могла быть только молодая девушка. Я обернулся на голос и...

– Я сплю, – успел пробормотать Эри, прежде чем на него

ВНОВЬ свалилась темнота.

Когда юноша окончательно пришёл в себя, он уже лежал на диване, и его голова покоилась на заботливо взбитой подушке. Потолок слегка колебался перед глазами, словно наблюдаемый через толщу совершенно прозрачной воды.

– Дядя Берт, по-моему, ты с ним перестарался! – раздался где-то в отдалении голос девушки, одновременно жалобный и осуждающий.

– Ну, может, я и погорячился... – виновато пророкотал бас здоровяка, и тут же вновь начал распляться: – Ты же знаешь, эти бродяги весь чердак загадили! Я...

– Дядя! – с неожиданной строгостью произнесла девушка.

– Извини, Тесс, – мигом остыл Берт. – Пойду, что ли, проведу, как там наш гость.

Услышав приближающиеся шаги, Эри постарался снова потерять сознание или хотя бы создать видимость этого. Однако успеха в этом, похоже, не добился, поскольку «дядя Берт» с порога почти что радостно заорал:

– Тесс, он пришёл в себя!

– Отлично, я сейчас! – донёсся не менее радостный голос девушки. Эри попытался как можно натуральнее изобразить пробуждение из комы, со стонами, неразборчивым бормотанием и какими-то невнятными жестами.

– Ну что, полегчало, обморочник? – вполне мирно поинтересовался здоровяк. – А теперь давай рассказывай, кто ты

и как очутился на крыше.

За последние пятнадцать минут со мной приключилось больше, чем за последнюю пару недель до приезда в Гвинсберн. Я почти додумал песню о городе на крышах, удирал от разъярённого грома, чуть не погиб (думаю, вы уже поняли, что это был один из самых страшных моментов в моей жизни?), попал в логово «дяди Берта», а теперь ещё и это...

Я сидел на диване, на котором минуту назад пришёл в себя, и в руках была та же кружка уже остывающего чая. Напротив в большом кресле сидел здоровяк и изучающе разглядывал меня, пока я рассказывал о случившемся. На подлокотнике этого же кресла устроилась девушка примерно моих лет или ненамного моложе. Думаю, что не солгу в своём заявлении: любой бы назвал её как минимум симпатичной. Или... Её золотисто-рыжие волосы короткой чёлкой смешно топорщились на лбу и длинными струями сбегали вниз по плечам и рукам. Одна прядь, словно огненная змейка, выбилась из потока, спадая на грудь. А глаза... Льдисто-голубые глаза, казалось, видели меня насквозь. Пламя и льды. Под её взглядом я чувствовал себя весьма неудобно.

Единственным предметом, который не позволял этому миру раздавить меня своей обстановкой, была кружка чая – знакомое ощущение чего-то округлого и тёплого в руках. Я то и дело совал в неё свой нос, пытаясь скрыться от взгля-

дов и здоровяка, и девушкики.

– А потом пришли вы, и... в общем, сами знаете, что было дальше, – я сглотнул. В глазах потемнело, но нет, это не ещё один обморок. Просто дурные мысли о чуть не случившемся. Это пройдёт.

В комнате воцарилась тишина. Ни Берт, ни эта загадочная девушка (Тесс, кажется?) не проронили ни слова. Я допил чай и поставил кружку на пол возле дивана.

– Значит, из Альдена, да? – пробормотал наконец себе под нос здоровяк. Я кивнул. – Занесло тебя, парень, ничего не скажешь. Документы-то с собой?

Я рассеянно кивнул, поняв суть вопроса только на следующей фразе Берта:

– Показывай.

– А какое у вас есть право их смотреть?! – возмутился я. – Это мои личные данные, и я имею полное право не разглашать их без собственного желания незнакомым лицам! А также...

Договорить длинную заученную тираду я не успел. Бородач вынул из кармана бумажник и раскрыл его. Всё внимание приковала к себе большая серебристая бляха. О, нет. И зачем я это только ляпнул?

– Городское управление охраны правопорядка Гвинсберна, восточное отделение. Старший городской Бертольд Вальдениер, – голос здоровяка был совершенно спокоен и не допускал даже тени сомнения в том, что всё это правда. – По-

жалуйста, предъявите ваши документы, молодой человек.

Берт придирчиво прочитал от корки до корки протянутый ему паспорт, просмотрел пару страниц на просвет, поскрёб ногтём шершавый форзац.

– Настоящий, – наконец изрёк он. – Ну что ж, господин Эризен, вы хотя бы тот, за кого себя выдаёте. Это похвально, что вам нечего скрывать от закона, – с этими словами Берт басовито хохотнул, в ответ в раме задрожало оконное стекло. Тесс улыбнулась: ей всегда нравилось, когда дядя смеялся. – Ну что же, гражданин путешественник, и когда вы от нас планируете уехать?

Эри немедленно опустил глаза, словно стыдясь того, что он сейчас скажет.

– Я думал... завтра же День Воссоединения, верно? Ну так вот, я решил, что где-нибудь поиграю на гитаре и насобираю денег на билет домой.

Берт слегка нахмурился.

– Вообще-то городским приказано гонять уличных попрошайек... но ладно, думаю, ты понимаешь, что по праздникам нас на работе беспокоят более серьёзные проблемы.

– Я не попрошайка! – невпопад выпалил Эри и тут же замолк.

– Ладно-ладно, как скажешь, господин музыкант, – беззлобно проворчал бородач. – Раз уж тебе негде ночевать, так и быть, разрешу сегодня поспать на чердаке. Но чтобы зав-

тра и духу твоего здесь не было! – последнее было сказано уже с напором в голосе.

– Ой, спасибо вам огромное, господин городской! – Эри аж поклонился. Учитывая, что он сидел на диване, это выглядело так, как будто юношу вдруг скорчило пополам, однако он сделал это без капли издёвки, понимая, что незнакомец, можно сказать, спас его второй раз.

– Вот и ладно, – Берт, кряхтя, поднялся из кресла. – Пойду окно на чердаке закрою, а то занесёт нелёгкая ещё кого-нибудь...

Тесс поднялась, чтобы выйти из комнаты вслед за дядей, но остановилась на полпути и вопросительно оглянулась на Эри.

– Значит, тебя зовут Эризен?

Боже мой, честно, как же я не люблю своё полное имя! Звучит как трещина в земле. Мама говорит, что ничего подобного, имя «Эризен» очень красивое, но о своём сыне так наверняка скажет каждая мать. Уж лучшие Эри – коротко, просто и легко.

– Можешь звать меня Эри.

– Отлично! – неизвестно чему обрадовалась девушка. – А меня зовут...

– Тесс, верно? – хитро улыбаясь, спросил я, и тут же пожалел об этом вопросе: взгляд девушки внезапно посуровел.

– Для тебя я Тессария Вальдениер! – подчёркнуто холод-

но ответила она. Я нервно сглотнул.

– Прости, пожалуйста... не хотел тебя задеть.

Видимо, госпожа Тессария Вальдениер всё-таки взглянула на себя со стороны. Девушка вздохнула и произнесла:

– Извини, я, наверное,... тоже погорячилась. Но всё же, давай так и оставим... Эри?

– Угу, ладно, – без особой радости кивнул я. Ну что ещё за фокусы? Может быть, ей, наоборот, не нравится это сокращение? Хотя нет, Берт же её звал именно «Тесс»...

– Эри, можно тебя кое о чём спросить?

– Смотря о чём.

– Это ты играл там на чердаке?

Фраза сработала как рывок стоп-крана: весь мыслительный процесс с противным скрежетом встал на рельсах посреди перегона, так и не дойдя до какого-либо умозаключения.

– Да... а что?

– Да нет, ничего... просто...

Ну вот, значит, не просто, а всё сложно.

– Понимаешь, тут такое дело... У меня скоро концерт, я вокалистка, ну, то есть, я хочу ей стать и стараюсь петь, и вроде даже получается, но... – девушка, теребя пальцами прядь волос, пыталась связать куски фраз в единое целое, но ей никак это не удавалось. Моё терпение оказалось не столь продолжительным:

– Да скажи просто, что тебе от меня надо?

Тессария Вальдениер вздохнула и твёрдо, словно читая объявление, произнесла:

– Мне нужен гитарист. Срочно.

Глава третья.

В ловушке

– Нет.

Тесс совершенно не изменилась в лице.

– Почему?

– Я хочу отсюда уехать. Мне здесь не нравится.

– Но почему?

– Как бы сказать... Наверное, это прозвучит странно, но ваш город меня ненавидит. Я уже успел это почувствовать и более не желаю здесь находиться.

– Но... Эри, пожалуйста, помоги нам! Я слышала, ты замечательно играешь, и...

– Я плохо играю, – немедленно заявил юноша. – Ужасно плохо. Совсем никуда не годится.

– Ничего подобного! Мне очень понравилось, как ты играл на чердаке, и...

– Спасибо, но нет.

– Послушай, парень! – Голос Тесс неожиданно изменился: теперь он был полон злости. – Дядя Берт только что спас тебя. Тебе не кажется, что после этого ты – наш должник?

Эри оторопел. Такого от миловидной собеседницы как-то не ожидаешь! Однако, поддаваться юноша не собирался:

– Нет, не кажется, – однако совесть внезапно нашептала совсем другое, и голос еле различимо дрогнул на конце фразы.

– А мне кажется, что да!

Тут уж Эри не выдержал.

– Может, позовёшь своего дядю Берта, чтобы он выписал ордер на мой арест и три недели исправительных работ музыкантом?!

Тессария метнула в юношу яростный взгляд и уже собиралась было ответить, но тут из прихожей послышался голос старшего городского:

– Эй, кто меня звал?

Стремительно прошлёпали по паркету старые тапочки, и Берт грозно заглянул в комнату. Не обнаружив в ней ничего подозрительного, он на всякий случай уточнил:

– Тесс, всё в порядке?

– Да, – девушка разом погрузилась и, отвернувшись, вышла из комнаты. – Пойду приготовлю ужин.

Берт пристально посмотрел на юношу, тот недоумённо пожал плечами. Здоровяк пробормотал под нос что-то неразборчивое, развернулся и пошёл на кухню.

Вот уж не думал, что когда-нибудь буду ужинать вместе с городовым! Берт сам сунул мне под нос тарелку макарон:

– Кушай, парень, будь как дома.

– Спасибо.

Это были все слова, сказанные за ужином. Тесс мрачно ковырялась в своей тарелке, изредка стреляя в меня колким взглядом. Я бы, может, и ответил ей что-нибудь, но сидящий рядом Берт напрочь отбивал охоту к разговору. А сам он, похоже, не был особым любителем говорить во время еды и уплетал свою порцию с завидной скоростью.

После ужина я, как полагалось, поблагодарил обоих хозяев и сказал, что пойду на чердак. Берт отпер дверь и повесил ключ на торчащий из косяка гвоздь со словами:

– Будешь завтра уходить – закрой, ключ положишь под половику.

Я кивнул, и городской пошёл обратно в квартиру. Мне оставалось только немного посмотреть на силуэты крыши из-за мутного оконного стекла и, сгребя опилки в кучу, улечься спать в одежде прямо на них.

Утро встретило Эри лучами солнца, которые, скользя по задней стенке чердака, добрались до лица спящего и принялись его щекотать. Юноша поморщился, пробормотал что-то не слишком жизнерадостное и попытался прикрыть глаза рукой, но разбуженная память немедленно напомнила: сегодня слишком важный день, чтобы бесполезно дрыхнуть до полудня.

Ну что же, тогда за дело! Юноша повернулся к гитаре, на ночь прислонённой к ящику, и немедля уткнулся взгля-

дом в нечто новое: большую тарелку, полную макарон, и чайник.

Завтрак. Как мило со стороны Берта. Или это Тесс? Да нет, она же обиделась вчера, так что, скорее всего, это городской позаботился о нём. Эри тронул рукой стенку чайника... Остыл. И макароны холодные. Ну да ладно, дома тоже не всегда утруждаешь себя даже разогреванием пищи, не говоря уже о её приготовлении. Сжевав где-то треть содержимого миски (неужели в Берта влезает столько еды за раз?), Эри взглянул на дверь.

И взгляд упёрся в гвоздь, торчащий из косяка. На гвозде ничего не висело.

Эри сморгнул. Ключ от этого не появился.

Отложив в сторону тарелку с макаронами, Эри медленно поднялся, подошёл к двери и осторожно потянул за ручку.

Дверь не поддавалась.

Эри похолодел. Попятившись, он сел на пол возле ящика, дрожащими руками взял чайник, отпил из носика воды, встал и снова попробовал открыть дверь.

Заперто!

Эри выругался. Выругался очень плохо, ибо больше ему ничего не оставалось.

Городовой! Это его рук дело! Ну да, конечно, казался добрым, а потом взял и запер гостя на чердаке. Какая низость! И как только он, Эри, мог повестись на такой обман? А теперь ловушка захлопнулась. Паук всё-таки спеленал свою

жертву, и вырваться ей не удастся.

В отчаянии Эри метнулся к окну, но висящий на нём замок напомнил, что здоровяк вчера запер ставни. Выбивать стёкла бесполезно: между перегородками слишком мало пространства, чтобы протиснуть плечи. Юноша попробовал сорвать ставни с петель... Слишком крепко сидят. Через окно не сбежишь.

Эри вернулся к двери и попробовал пнуть её. Не помогло. Даже замочной скважины нет – юноша припомнил, что дверь закрывалась снаружи на висячий замок.

Полный отстой.

Эри обречённо лёг на опилки и отвернулся к стене, пытаясь заснуть. Может, это просто сон, и позже, когда он проснётся по-настоящему, дверь всё-таки откроется?

Но в этом «сне» он был слишком возбуждён, чтобы заснуть ещё раз. Да и опилки кололись подозрительно по-настоящему. Эри застонал и прекратил жалкие попытки отключиться от недружелюбной реальности.

– Э-Э-ЭЙ! БЕ-Е-ЕРТ! ГОРОДОВО-О-ОЙ!! КТО-О НИ-БУ-У-УДЬ!!!

Так он кричал, пока не охрип, но никто не отозвался. Ну да, ведь сейчас единственным его соседом был городской – который, должно быть, злорадно ухмылялся, слушая пробивающиеся сквозь потолок вопли.

Безнадёжно.

Эри достал гитару и начал брэнчать что-то грустное.

По крайней мере, некоторое время это было так. Потом минорный лад незаметно сменился на мажорный, и под два чередующихся аккорда узник начал нести совершенно раздолбайский нерифмованный бред навроде:

– Я сижу в какой-то камере, гляжу на потолок
По потолку ползёт паук, и он тоже взаперти,
А за окном уже светло, а в миске сотня макарон,
А я их вовсе не считал, а я вообще не сплю с утра,
И всё косит через лады, но всё равно я не сдаюсь,
Пока есть в чайнике вода! Да-да-а-а!

Сквозь звон гитарных струн пробился какой-то посторонний звук. Эри немедленно прекратил играть, и отчётливо разобрал... мелодию «Объединённого Марша» и радостный гомон толпы. По улице с другой стороны дома проходил парад. Но он уже не был его билетом домой.

День был убит впустую. В конце концов и на гитаре играть надоело. Дошло даже до того, что я, прилепляя остывшие макароны к стеклу, попытался сложить из них слово «СПАСИТЕ». Места на окне не хватило, и последняя «Е» постоянно отваливалась от рамы. Ну а когда я сообразил, что эту надпись видно будет разве что с соседней крыши, стало совсем грустно, и пришлось так и оставить на стекле «СПАСИТ», постепенно теряющее части букв по мере отклеивания макарон.

Солнце давно уже не светило в это окно. Тень от крыши поднималась по противоположной стене двора-колодца всё выше и выше, а цвет самой стены становился всё более оранжевым. Я, развалившись на куче опилок, равнодушно смотрел на этот неразличимо движущийся силуэт, когда до меня донесся звук чьих-то шагов по лестнице.

– Берт? – наугад спросил я. Снаружи не ответили, но шаги прекратились. – Эй, кто там? Выпустите меня! Я в ловушке!

Мой крик остался без ответа. Я успел подумать, что у меня начались слуховые галлюцинации, но тут из-за двери неожиданно раздался знакомый голос:

– Эри?

– Тесс! – радостно воскликнул я и тут же осёкся – гнев почувствовался даже сквозь дверь:

– Я же сказала, не называй меня так!

– Прости, Тесс..ария, – балда, запомни уже наконец! Интересно, почему это её так бесит? – У меня проблема. Твой дядя меня запер. Ты знаешь, где ключ?

– Знаю, – донеслось из-за двери после секундного молчания.

– Отлично! Прошу тебя, возьми его и открой дверь...

– Прости, но не могу.

– Что? Почему?!

Она помолчала несколько секунд и наконец ответила:

– Эри, это я тебя заперла.

Если бы Тесс обладала слухом летучей мыши, она бы непременно услышала в наступившей тишине едва различимый щелчок в голове Эри. Это вставали на свои места разрозненные мысли и элементы общей картины, проясняя юноше, что же случилось на самом деле.

– ... Ты?! – завопил он, едва обретя дар речи.

– Эри, пойми, у меня не было выбора, – затараторила Тесс. – Ты хотел заработать сегодня денег и уехать, ну а я подумала, что если ты останешься, то мы сыграем и...

– И ты думаешь, что теперь я соглашусь выступить с тобой? После того, как ты меня заперла?!

– Ну... – «тюремщица» за дверью совсем скисла, – я понимала, что мне придётся оставить тебя на чердаке на целый день, и, пока ты спал, принесла макароны и чайник...

– Я не продавал свободу за завтрак, – уже без особой ярости буркнул Эри.

– Понимаю, ты на меня сейчас страшно злишься...

– Если понимаешь, то выпусти.

– Эри, уже вечер. Ты всё равно не успеешь...

– Просто. Выпусти. Меня. Отсюда.

– Я понимаю, что тебе нужны деньги на билет домой, и могу помочь их достать.

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем из-за чердачной двери до Тесс донёсся вздох и слова:

– Ладно, заходи.

Тесс достала из кармана ключ, но её рука замерла возле замочной скважины.

– Я не убегу, – добавил Эри, правильно поняв причину замешательства девушки.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Старый, неподатливый замок залязгал, щёлкнул, и дверь наконец-то отворилась. Тесс робко вошла внутрь.

Совершенно спокойный на вид, Эри сидел на ящике возле пустой миски и внимательно смотрел на девушку:

– Рассказывай. Я слушаю.

– Понимаешь, есть несколько причин, почему я хочу этого.

– Угу, – кивнул я.

– Во-первых, этот конкурс – отличный шанс пробиться в музыкальное училище имени Стефана Кальдемерде практически без экзаменов. Ты ведь слышал о нём? Оно считается довольно престижным, и конкурс проходит при его поддержке. А я давно уже хочу научиться петь по-настоящему... лучше, чем учат в школьном хоре.

– Угу.

– Но это даже не главное. В конкурсе участвует Азария Берштейт. С детства не люблю эту задавуку: вечно она мне утирала нос и в детском саду, и в школе. А сейчас у меня появился шанс обставить её на конкурсе!

– Угу.

– Ну и, эм, есть ещё причины...

– Угу.

– Ты меня вообще слушаешь? – с подозрением спросила

Тессария.

– Да... ээ... причины, причины... да, причины.

Слушать-то я и правда слушал, но только вполуха. В эту минуту мне уже было ясно, что, судя по всему, предстоящий музыкальный конкурс и есть искомое ЭТО, которое непостижимым образом завело меня в Гвинсберн. Ну да, конечно, можно списать всё случившееся за последние два дня на самое обыкновенное «невероятное стечение обстоятельств», но тогда происходящее попросту лишилось смысла – а ведь его-то я так и старался найти! За неимением альтернативы это и есть та единственная соломина, за которую можно схватиться, чтобы не утонуть. Однако само осознание того, что я действительно участвую в этом по воле таинственных «высших сил» и вообще едва ли не пешка на ладони какого-то странного бога, внезапно выбило меня из колеи.

– ... и, кроме того, это шанс заработать двадцать тысяч ремов в случае победы. Тебе ведь нужны деньги, да? – Тессария заискивающе взглянула на меня.

– Эээ...

Ну да, теперь-то уж никаких сомнений: всё это неспроста. Выполнил миссию – получи награду и живи счастливо.

Чем не квест?

– Так да или нет?

– Э.. ну да, конечно.

Я встряхнул головой, избавляясь от лишних мыслей. Будет ещё время обдумать, что к чему, и где в этой истории зарыта плохо пахнувшая собака.

– Так вот, Тесс, я хотел...

– Я же сказала, не смей...!

– Прости, Тессария, я хотел спросить: почему всё-таки я?

Ну, по крайней мере, уже без сильных эмоциональных взрывов. Так, запомнить: никогда не называть её «Тесс». Никогда.

– Я уже говорила, что мне нужен гитарист. И не просто брэнчатель по струнам, а хороший музыкант: мы ведь должны победить! А все, кого я знаю, или играют слишком плохо, или уже участвуют, но не со мной. Выступить с абь кем мне тоже не хотелось, и я...

– А я не абь кто?

– Подожди, дай договорю. Так вот, я никого не смогла отыскать, хотя уже два месяца как записалась на конкурс. Вчера я сидела у окна и думала отказаться от участия. И тут вдруг слышу музыку откуда-то с чердака. И понимаю: это то, что нужно! Дядя Берт разозлился: ему управляющий доверил ключ от чердака, чтобы дядя там следил за порядком, и тогда он пошёл, чтобы... в общем, чтобы

прогнать тебя. А дальше, как я слышала, ты чуть не упал с крыши, и он тебя спас. А уж когда дядя решил отпоить тебя чаем, я и решила, что договорюсь с тобой насчёт конкурса.

Я скептически хмыкнул.

– Так когда, говоришь, этот конкурс?

– Через полторы недели. Если мы сильно поторопимся, то всё успеем.

По крайней мере, у меня будет ещё полторы недели, когда я вернусь домой. Хоть немного отдохну от этого безумия.

– Надеюсь, ты не злишься на меня за то, что я тебя заперла?

– Надеюсь, ты понимаешь, как нехорошо поступила?

– Зато рационально, – Тессария как-то нехорошо скривила улыбку и стрельнула в меня взглядом. Да это же вызов! Неужели я не приму его?! – Ну так что, будем работать вместе, коллега?

Девушка протянула руку. Изящная ладонь, совсем узкое запястье, худенькое предплечье... Вот она, та самая соломинка.

– А у меня есть выбор? – я без особой радости пожал руку.

Явившись поздно вечером с дежурства, Берт застал Эри и Тесс на кухне за ужином. Девушка немедленно кинулась на шею дяде, юноша поднял взгляд и приветливо кивнул.

– Так, а ты почему ещё здесь?! – вместо приветствия возмутился городской, угрожающе сдвинув брови. – Мы же договорились, что я тебя здесь больше не увижу!

Эри съёжился под тяжёлым взглядом и смущённо заскреёвилкой по тарелке.

– Дядя, ты понимаешь, он ведь музыкант, – заступилась за юношу Тесс, – и я уговорила его участвовать с нами в конкурсе!

Эри хмыкнул, вспомнив, как именно его «уговорили», но ничего не сказал.

– В конкурсе? – удивлённо переспросил городской, разом растеряв угрожающий тон голоса.

– Дядя, ты что, забыл? – притворно обиделась девушка. – Я же пару месяцев назад говорила, что буду участвовать в конкурсе! Так вот, для этого не хватало гитариста, а Эри очень хорошо играет, и я подумала, что он сможет помочь... ну ты ведь не против? – Тесс использовала всё своё обаяние, сделав на последней фразе совершенно ангельское выражение лица и заискивающе посмотрев в глаза Берту. Городской почесал в затылке, нахмурился, задумался, набрал было воздух для гневной тирады, но вместо этого ещё раз посмотрел на девушку, вздохнул и проворчал:

– Ладно. Пусть остаётся на чердаке.

– Ой, дядя, спасибо, спасибо! – Тесс вновь повисла на шее у дяди и принялась прыгать вокруг него: – Это так здорово, что ты разрешил ему пожить у нас!

– Ладно уж, – проворчал городской. – Можешь оставить нас на минутку?

– Конечно-конечно! – Девушка мигом упорхнула в коридор и скрылась в соседней комнате. Здоровяк перевёл дух и взглянул на Эри:

– Я хотел сказать, что... Тесс, не подслушивай! – Гневный взгляд Берта устремился в коридор.

– Хорошо, дядя, – обиженно протянула Тесс и накрепко захлопнула дверь. Городовой вновь повернулся к Эри.

– Так ты это, и вправду поможешь моей девочке? – вполголоса переспросил он.

– Сделаю, что смогу, – кивнул юноша. Берт просветлел лицом:

– Это дело. Я рад, что она не будет больше так переживать из-за этого конкурса, – и тут же, надвинувшись над Эри, зловеще произнёс: – Только не напортачь мне тут! Я тебя с крыши вытащил не за этим, понял?

Эри шумно сглотнул, припомнив события вчерашнего дня, и кивнул:

– Я... я всё понял, господин городской.

Берт расплылся в широченной улыбке и несильно ткнул музыканта пальцем в грудь:

– Ну как, не жёстко на опилках-то спать?

Глава четвёртая.

Песня начинается

На следующее утро полная энтузиазма девушка потащила Эри регистрироваться для участия в конкурсе.

Их цель находилась в здании городского Культурного Совета – старинного (как и две трети зданий Гвинсберна) особняка на берегу живописного канала неподалёку от порта. Всю дорогу Тесс, исполняя роль добросовестного экскурсовода, непрерывно обращала внимание юноши на окрестные дома, тихие дворики и улицы: «В этом доме жил великий Онре де Блом!», «А в конце этой улицы – моя школа!», «А здесь пекут восхитительные пирожные, я тебе как-нибудь покажу!», «Ой, а на этом углу раньше часто дежурил дядя Берт! Он говорит, что это лучший угол во всём городе!»...

Эри рассеянно кивал. Достопримечательности города его мало занимали. Если бы Тесс только знала, о чём думал юноша в этот момент, он был бы удостоен лишь колючего, ледяного взгляда.

Ну вот, ей-богу, сейчас я на улице – и, казалось бы, что мешает удрать от этой наглой девчонки? Всего-то и дела – дойти до перекрёстка, сказать «Прости, но ты перегибаешь

палку, прощай» – и рвануть что есть мочи по боковой улице! Я ведь здесь не на привязи. Гитара и документы под рукой, да и едва ли она сможет меня догнать...

Чёрт возьми, да что я тут несу? Конечно, можно так поступить – но стану ли я так делать? Вот же она, твоя привязь – твоё честное слово, пока ещё хоть чего-то да стоящее. Да и должен же кто-то показать этой девчонке, что игра ведётся вовсе не по её правилам!

А вот и вторая привязь. Берт спас мне жизнь и отнёсся ко мне хорошо, даже ничего толком обо мне не зная. Да, Тессария откровенно перебарщивала, говоря, что я ему обязан, но мне кажется, что сейчас я могу «отплатить» городовому тем, что помогу Тессарии.

А ведь есть и третья привязь... да-да, приятель, тот самый смысл, который ты вчера нашёл. И несложно было бы сказать: «Да брехня это всё, просто так сложились звёзды!» – но ты же не такой. Ты всё равно не перестанешь верить в то, что это не случайность. Ты же просто не сможешь по-другому. Тем более в этот раз...

Не на привязи, говоришь? Выбирай любую!

– О чём задумался?

– А, да ни о чём. Так, всякая чушь в голову лезет.

– Смотри, вот мы и пришли!

Эри даже не стал поднимать голову, чтобы взглянуть на великолепный особняк культурного совета. Похоже, бу-

лыжная мостовая была куда интереснее.

Тесс уверенно повела его какими-то коридорами, и через несколько минут они оказались на пороге нужного кабинета. За окованной железом дверью, к которой был приклеен листок с надписью «Администратор городского музыкального конкурса», скрывалась маленькая запылённая комнатка, в которой только и было, что большой шкаф с парой бюстов именитых композиторов на нём, стол, стул да лампа с зелёным абажуром. И проходящая на предмет мебели пожилая женщина, которая в ответ на их «можно войти?» даже головы не подняла.

– По какому поводу? – пробурчала она, разглядывая какие-то бумаги.

– Здравствуйте! – жизнерадостно выпалила Тесс. – Мы насчёт записи на конкурс! Я...

– Запись окончена, – отрезала тётка.

Ледяной приём погасил энтузиазм девушки, точно вылитое ведро воды. В секундном замешательстве Тесс обернулась к Эри, стоящему у неё за спиной. Юноша по-прежнему смотрел в пол, но было видно, как он ухмыляется. Девушка еле расслышала комментарий, произнесённый одними губами: «Старая гримза!»

– Но... подождите! Я ведь уже записана на конкурс! – Тесс с новыми силами бросилась на штурм «старой гримзы». Тётка наконец взглянула на посетителей. Глубоко запавшие глаза несколько секунд изучали вошедших, прячась за толстой

бронёй стёкол очков.

– Запись окончена, – медленно повторила она.

– Но я записывалась ещё два месяца назад, и я пришла зарегистрировать гитариста, с которым мы будем выступать!

– Как фамилия?

– Чья? – в замешательстве спросила Тесс, но, ужаленная очередным взглядом, живо нашлась: – А, моя? Вальдениер. Тессария Вальдениер.

Тётка принялась перекапывать очередные бумаги. Спустя минуту нужный лист был найден, и администратор конкурса принялась его изучать, всем видом демонстрируя, что делает этим большое одолжение посетителям.

– Вы помните, я вам тогда говорила, что ещё приведу гитариста, – пробормотала Тесс, смущённо закусив губу – она понимала, что на самом деле едва ли тётка это помнит. Занятая своим делом, «грымза» никак не отреагировала. – Вы понимаете, он должен участвовать в конкурсе, он хорошо играет, и... Эри! – девушка обернулась к гитаристу, – покажи, как ты играешь!

Эри наконец оторвал взгляд от пола. Просьба застала его врасплох, но в глазах Тессарии была такая горячая мольба, что, молча кивнув, юноша принялся расчехлять гитару. Тётка за столом, подняв глаза от своего листка бумаги, пристально поглядела на него.

Забросив гитарный ремень на плечо, Эри вновь уткнулся взглядом в пол и заиграл... мелодию из детской песенки про

сверчка, пляшущего под дождём. Дурацкая приставучая мелодия из нескольких нот, известная всем и каждому, заставила Тесс окаменеть. Юноша начал притоптывать в такт песне, переминаясь с ноги на ногу и по-прежнему не отрывая взгляда от пола. Если бы он всё-таки рискнул взглянуть на Тесс, его бы однозначно снесло волной гнева, захлестнувшего девушку. На лице Эри играла ехидная улыбка, никак не вязавшаяся с песней. Сыграв лейтмотив несколько раз и, казалось, умышленно допустив несколько ошибок, он закончил «песню» на низкой дрожащей ноте и исподлобья взглянул на Тесс и «старую гримзу». Девушка, отвернувшись, опустила лицо в ладони и вздрагивала то ли от гнева, то ли от беззвучных слёз; тётка по-прежнему смотрела на ненормальных посетителей с величием каменного истукана.

Эри всё ещё держал ноту, наполняя пространство кабинета низким вибрирующим звуком. Он уже поднял голову, и теперь идиотская улыбочка на его лице была видна всем.

Тесс всё-таки всхлипнула.

Медленно начала подниматься рука тётки. Ещё мгновение, и укажет на дверь.

Эри улыбнулся ещё шире...

И в следующий момент грянул замысловатый аккорд, мигом остановивший администратора конкурса. Не успела заглохнуть открытая тонкая струна, как пальцы левой руки стремительно забегали по ладам. Невесть откуда взявший-

ся в другой руке медиатор¹ застучал по басовым струнам², словно намереваясь высечь из них искры.

Тесс отняла уже мокрые ладони от лица и ошеломлённо воззрилась на юношу. А он уже не смотрел на неё, сосредоточив всё своё внимание на хитрой мелодии. Придумав эту наработку уже давны-давно, Эри до сих пор не дал ей никакого названия. Задорный, какой-то откровенно-мальчишеский мотив, не нарушаемый ни единым звуком со стороны тётки за столом, казалось, прыгал по стенам кабинета, словно солнечный зайчик в весенний день. Звонко бряцали басовые струны, словно говоря: да-да, это я! Скрэтч³ от одного конца грифа до другого, переход к припеву... «Грязновато!» – скривился юноша, как можно быстрее исправившись и продолжая играть.

Исполнив пару строк припева, он сорвался в соло. Журчащим потоком пролилась трель, спускаясь по струне, провыли задорные рок-н-рольные бэнды⁴, а затем, после корот-

¹ Медиатор – пластинка, зажимаемая между пальцами гитариста и извлекающая звук при ударе ей по струнам. Чаще всего используется при игре на электрогитаре.

² Басовые струны – три нижних (самых толстых) струны шестиструнной гитары.

³ Скрэтч (*англ.* scratch) – в данном случае: приём игры на гитаре, в котором с помощью скольжения ребром медиатора по обмотке струны извлекается особый жужжащий звук.

⁴ Бэнд (*англ.* bend) – в данном случае: ещё один приём игры на гитаре, в котором после зажимания струны на определённом ладу палец подтягивает эту струну вверх или вниз, таким образом плавно «повышая» ноту.

кой паузы, снова зазвучала мелодия из песни о сверчке под дождём, остроумно вставленная в общую мелодию и слегка усовершенствованная по воле Эри. Закончив соло звонким вибрато⁵, юноша выждал секунду, затем неспешно и небрежно, словно сходя с пьедестала, спустился к басовым струнам и завершил игру тем же звучным аккордом, с которого начал. И только теперь повернул голову, чтобы посмотреть на реакцию присутствующих.

Чем-чем, а ей он остался доволен, снова расплывшись в глупой улыбке. Тесс по-прежнему стояла как громом поражённая, и в её взгляде, устремлённом на Эри, не было ни капли гнева – лишь глубокое изумление. Зато губы тётки растягивались в приветливой улыбке.

– Ваш паспорт, молодой человек, – уже куда дружелюбнее произнесла она.

Эри кивнул, шагнул к столу и выложил из кармана заранее приготовленный документ. Он почувствовал, как Тесс схватилась сзади за его плечо, то ли стараясь обрести равновесие, то ли силясь вернуть на землю юношу, казалось, готового вот-вот взлететь.

Когда дверь кабинета закрылась, Тессария буквально накинута на меня: – Что это ещё за фокусы?!

⁵ Вибрато (*лат. vibrato*) – в данном случае: ещё один приём игры на гитаре, в котором с помощью колебания пальца, зажимающего струну, получается дрожащий звук из-за постоянного изменения тембра. *Не беспокойтесь, на этом экскурс в особые музыкальные термины закончен. Временно :-)* (от автора).

«Если я скажу, ты же меня заживо съешь». Я зловеще расхохотался, оглашая эхом длинный пустой коридор.

– Нет, я конечно, очень благодарна тебе... – потупилась девушка, – но это...

– Это моя старая наработка, – отмахнулся я. – Без названия. Сколько ни думал, так ничего не ум и не пришло. Хотя... мне кажется, теперь я знаю, как её назвать.

– Как? – затаив дыхание, спросила Тессария.

– «Старая гримза»!

Итак, теперь Эри значился в списках конкурса, и всё было решено, кроме одного-единственного вопроса, который юноша озвучил, едва только они с Тесс вышли на набережную:

– Так что мы играем?

Девушка сразу сникла:

– Ээ...

– Ты что, записалась на конкурс, даже не зная, что мы собираемся исполнять?! – возмутился Эри.

– И вовсе нет! – вспыхнула в ответ Тессария. – Я же сказала, что строго представляла, ЧТО мы будем играть! Как раз то, что играл ты!

– Что, «Старую гримзу»? – это была шутка, но, увидев задумчивое выражение лица Тесс, юноша немедленно замахал руками: – Ты с ума сошла? Нам с этой песней в жизни не выиграть! У неё же даже текста нет!

– Ну, текст-то, допустим, можно сочинить, но... да успокойся ты, не будем мы её играть! Мне больше понравилось то, что ты играл на чердаке. Что это было?

– На чердаке? – Эри содрогнулся, припомнив в красках все события позавчерашнего дня. – Я вообще-то импровизировал.

– Ого! – обрадовалась было Тесс, но тут же погрустнела: – Значит, никакая это не песня...

– Как это никакая?! – снова возмутился Эри. – Я, между прочим, старался!

– Но это значит, нам ещё надо додумать композицию, сочинить текст, и только потом можно отрепетировать песню как следует. А времени-то всего полторы недели!

– Песню? За полторы недели? Тут нужно очень большое вдохновение, иначе ничего не выйдет!

– Да я понимаю. Но как его поймать, это вдохновение? Эри улыбнулся. Широко. Нет, даже очень широко.

– Положись на меня!

– Эри, зачем тебе столько чая?

– Я же сказал, положись на меня!

Я, конечно, ворчу не хуже собственного деда, но всё-таки этой наглой девчонке пора бы уже доверять мне в таких вопросах, раз мы в одной команде! Хотя, следует признать, Тессария поступила хорошо, безропотно заплатив за две большие банки качественного чёрного чая. Я бы, ко-

нечно, и сам их купил, но скудное состояние моих финансов не позволяло таких трат, какими бы оправданными они ни были.

– Ты что, будешь ловить вдохновение на чай?

– Вроде того. Уже начал ловить.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, я хотя бы знаю, о чём будет наша песня.

Вообще-то я слегка покривил душой, да. Я это знал ещё тогда, на крыше, с которой всё и началось. Верхний город. Другой город. Город чердаков, проводов, антенн; город, в котором живёт само небо.

– И о чём же?

– О городе.

– Городе?

– Ну да. О вашем прекрасном, замечательном, просто умопомрачительном городе.

– Это был сарказм, да?

– Он самый, – извини, Тессария Вальдениер, но тебе уже пора бы понять: я могу быть язвой ничуть не хуже тебя. Во всяком случае, когда мне хочется таким быть.

– И когда мы будем её сочинять?

– Не раньше, чем доберёмся до чердака.

– Зачем туда?

Она что, нарочно притворяется глупой? Я же уже знаю, что на самом деле она не такая!

– Увидишь. А теперь не пугай моё и без того запуганное

вдохновение.

Ну, теперь хоть можно собраться с мыслями. Поэт из меня, по правде говоря, не ахти какой. Музыку-то я придумать смогу, но вот с текстом куда большие надежд на неё, она же у нас умная. Впрочем, иногда и волшебное слово «надо» творит чудеса...

Предыдущим вечером чердак был несколько преобразён. Берт разрешил юноше воспользоваться старым матрасом из кладовки и выдал ему одеяло, настольную лампу и смотанный в катушку удлинитель, поскольку электричества на чердаке не было и нужно было подключаться к розетке в квартире. А также хозяин одарил Эри ключом от окна – если чердак не проветривать, то жить здесь через какое-то время станет невыносимо.

– Давай обживайся, только не мусорь и не устраивай бардак!

И вот теперь Эри торжественно вошёл в своё новое обиталище и голосом исторического деятеля повелел:

– Ручку и бумагу мне!

Тесс кивнула и скрылась за дверью.

– И чайник! – крикнул Эри вдогонку. В ожидании заказанного он присел, расчехлил гитару и начал играть что-то примерно в том же духе, что и позавчера. Видимо, и вправду получилось нечто похожее, потому что Тесс, войдя на чердак, радостно воскликнула:

– Да, вот оно!

– Что? Где? – Эри затравленно оглянулся в ту сторону, куда смотрела Тесс, но не увидел ничего неожиданного. Девушка посмотрела на гитариста:

– Музыка! Песня! То, что ты играешь!

– Да это всё примитивно! – разочарованно махнул рукой Эри.

– По-моему, ты несправедлив к себе, – убеждённо сказала Тесс. – Мне нравится.

– А мне нет, – заявил Эри. – Тут ещё работать и работать.

– Но...

– Кто здесь музыкант и автор песни, а?! Если мы хотим победить, надо много работать! И вообще, где мой чай?!

– Вот, – Тесс в растерянности протянула закопчённый чайник. Эри немедленно залил кипятком в одолженную у Берта кружку и хмыкнул:

– Другое дело. Так, а ты пока думай над текстом!

– Я? – Тесс неожиданно залилась краской.

– Ну не я же! – Юноша немедленно скорчил такую рожу, которая, по замыслу, должна была убедить девушку в полном отсутствии поэтического дара у её обладателя.

– Но, Эри, из меня же плохой стихотворец!

– А из меня плохой музыкант.

– Глупости!

– Вот и я говорю!

– Эри, всё равно я...

– Если ты пишешь хотя бы вполовину так, как споришь со мной, тебе бы сам Онре де Блом позавидовал!

– Это что, комплимент? – Тесс недоумённо подняла бровь.

– Считай, что так.

Эри вздохнул и открыл чердачное окно. Далеко поверх ржавых городских крыш над морем собирались тучи. Будет сильный ливень, если не шторм.

– Тессария, ты пойми, что если тебе нужна песня, её не может сочинить никто, кроме тебя. Даже если мысли путаются и слова не складываются. Ты должна петь именно *свою* песню, понимаешь? Иначе всё теряет смысл. Я могу тебе только помочь, но я неважно рифмую и часто теряю смысл фраз. Поэтому если не ты, то никто. Понимаешь?

На чердаке воцарилась тишина. Эри отхлебнул чай из кружки, не отрывая взгляда от далёкой громады облаков над морем.

Наконец девушка вздохнула:

– Хорошо. Я попробую.

О, муки творчества, великий дар и горькое проклятье! Как часто я, удачей окрылённый, ломал свои крыла о прутья вашей клетки! Как много несвершившихся творений на вашей совести, отнюдь не очернённой – ведь вы лишили жизни их во имя высшей цели! Путь снизошедшему шедевру устлали вы телами миллионов...

Что-то в духе поэта древнейших времён. Кажется, я выпил слишком много чая... или слишком мало?

Я вздрогнул и наконец оторвал взгляд от почти полной кружки. Наш совместный поединок с музой продолжался, наверное, уже третий час. Солнце понемногу спускалось на закат, и на порядок выросшие тучи розовели, словно наливающиеся соком плоды. Если повезёт, сегодня вечером на них будет играть фантастическое зарево. Жаль, что фотоаппарата нет.

Надо ещё раз отдать Тессарии должное. Я, конечно, нагородил что-то несусветное, невнятно-вдохновенное, сподвигнув её на «великое дело». Но она проявила выдержку, ни разу не пожаловавшись на творческий кризис. Хотя уже третий лист изводит на сплошные перечёркивания. О, вот, подняла голову.

– Эри...

– Что?

– Ничего, – вздох. – Надо развеяться, иначе я совсем потеряю желание что-либо делать.

«Давай, посиди ещё часок, пойми, что ничего не выйдет, и мы прощаемся...» Эй, это ещё что за мысли? А ну, прочь отсюда!

– Конечно, иди-иди, дышать свежим воздухом полезно, – пробормотал я и всё-таки не удержался: – Да, и оставь меня здесь, наедине с нашей общей проблемой!

Дурак, ну и зачем ляпнул? Лицо Тессарии на секунду ока-

менело, а взгляд стал холодным и колким. Но спустя мгновение девушка потупилась, покраснела, заскребла носком туфли по опилкам:

– Эри, ну... мне правда надо, ты понимаешь, есть причины, ну... причины, понимаешь? Я ненадолго, на часок максимум!

Вот тебе и раз. Нашла, из-за чего оправдываться.

– Ладно, иди. И передавай причине привет!

Я не смотрел на Тессарию и не мог оценить выражение её лица в ответ на мою последнюю реплику. Но громко хлопнувшая дверь была, по-моему, очень красноречивой.

Как и следовало ожидать, через час Тесс не вернулась. Эри развил-таки имевшуюся у него смутную мысль до вполне определённого проигрыша с куплетом грядущей песни. На этом творческий запал иссяк, и юноша безбожно скучал в одиночестве на чердаке дома. Вернувшийся с работы Берт даже не отреагировал на разбросанные по чердаку листы бумаги, лишь только узнав, что они с Тесс наконец приступили к песне. Бородач только проворчал что-то вроде «давно бы так» и ушёл вниз готовить ужин на троих.

Наступал вечер. Облака росли и росли, а солнце позади дома спускалось ниже и ниже, и его отсветы на стенах домов всё сильнее походили на пламя. Дворы затопила темень: там, внизу, уже настоящие сумерки. Юноша вновь уселся на ящик, вытянув ноги с чердака на крышу, но на сей раз

он даже это делал с опаской: скрип ржавого железа под ногами вновь напомнил о падении, которое чуть не закончилось трагедией.

Где-то там, далеко отсюда, его друзья. Наверняка уже вернулись из «пьяных одиссей», каждый со своими личными впечатлениями, переживаниями, своими личными намерениями кому-то отомстить за то, во что был втравлен, и прочее. А он здесь застрял.

И, как ни странно, с каждым днём всё меньше жалеет об этом.

В Альдене, наверное, никогда не бывает таких закатов.

Мне кажется, мало тех людей, которые могли бы подумать то же самое. Я вовсе не считаю себя каким-то уникальным, просто... Все эти люди, которые набиваются по утрам в переполненные автобусы, просиживают дни в душных офисах, безбожно льстят своим боссам и неискренне улыбаются из-за стеклянного окошка выдачи документов – многие ли из них вечерами, провозжая день, так же поднимают голову и смотрят в небо, пытаясь разглядеть в облаках что-то особенное? Многие ли из них в этот момент восторженно затаивают дыхание и думают о том, что этот закат следовало бы увековечить на картине великого живописца?

На Гвинсберн медленно наплывала огромная стена облаков. Лучи заходящего солнца окрасили в приятный рыжий

цвет городские стены с крышами и заиграли живым пламенем в космах туч. Оттенённые густо-синим провалом вдаль до самого горизонта, они словно светились сами по себе. А над ними громоздились клубы настоящих облачных гор. До города им оставалось совсем немного, и не хотелось думать, что это – предвестие затяжного дождя или даже шторма. Вода из огня? Нет, эти космы больше похожи на причудливых огненных драконов, несущихся по всё усиливающемуся ветру с моря...

Зрелище завораживало так, что мысли скользили, как пальцы по гитаре в давно выученном мотиве – легко и непринуждённо. Стоит только подумать о чём-то, и уже не остановишься.

Тессария вряд ли сейчас наблюдает этот закат.

Ну и пусть. Едва ли она почувствует то же самое.

Глава пятая.

Собрание на чердаке

Тессария пришла домой уже в сумерках и, заглянув к Эри, даже не поинтересовалась о его успехах, а просто пожелала спокойной ночи. Слегка разочарованный «творец» погасил лампу и, растянувшись на матрасе, заснул.

Как ни странно, грозы так и не случилось. Зародившись над морем, гора облаков ушла дальше на запад, чтобы разразиться ливнем в глубине страны, быть может, даже над Альденом. Здесь же теперь небо стало невнятно-серым и периодически сыпало на город мелкую, едва ощутимую морось, словно в раздумьях: устроить дождь или нет?

На завтрак Эри уже привычно спустился вниз, в квартиру Берта, и после того, как тарелки опустели, спросил у Тесс:

– Какие планы на сегодня?

– Хм, – задумалась девушка. – Ты ведь успел что-то сочинить вчера?

Юноше так и хотелось съязвить «Ну да, конечно, я же не бегал на свидание, в отличие от кое-кого!». Но вместо этого Эри заявил:

– Вообще-то да, целый проигрыш с куплетом! Это, между прочим, уже немало, ещё придумать припев – и будет каркас

песни!

– Хорошо, – кивнула Тесс, – а я придумала первую строчку.

– Большой прогресс, – хмыкнул Эри.

– Ой, а сам-то! – Тон, которым девушка это говорила, ясно сообщал: она ничуть не раскаивается в том, что предпочла оставить своего новоиспечённого музыканта наедине с ещё не рождённой песней. Вместо ещё десятка минут бессмысленных споров и пререканий Эри решил, что нужно вернуть разговор в более конструктивное русло.

– Ну и с чего мы начнём нашу песню?

– Со слов «Гвинсберн – это то, что...»

Юноша выждал несколько секунд, но продолжения не последовало.

– Гвинсберн – это что? – наконец решился уточнить он. Девушка посмотрела на него так, как будто ответ был очевиден:

– Осталось придумать, что представляет собой наш город лично для нас.

– Мне не нравится, – мотнул головой Эри.

– Серьёзно? Ты же сам вчера сказал, что песня будет про наш город!

– Это был сарказм, разве не помнишь?

– Ну извините, господин остряк, – возмутилась Тесс, – оказывается, я ещё и должна угадывать, где у вас сарказм, а где саркастичный сарказм!

Эри проворчал что-то про себя.

– Ну так что, оставим? – самоуверенного энтузиазма «юной поэтессе» было не занимать.

– Нет. Я имел в виду другой город.

– Какой? – растерялась девушка. – Альден, что ли?

– Нет. Пойдём наверх, я покажу.

Конечно, сейчас, когда над крышами висела серая хмарь и горизонт стирался в туманной мгле, эффектной иллюстрации для моего вдохновенного рассказа о «городе на крышах» не наблюдалось. Но Тессария, выслушав давешнюю идею и внимательно посмотрев в окно, кивнула:

– А знаешь, мне нравится такой взгляд на город. Он... необычный, что ли.

– Да-да, это наш козырь! – вдохновенно начал я. – На вашем конкурсе наверняка половина песен будет про любовь-морковь, а половина про замечательный город Гвинсберн. И тут мы с нашей песней!

– Вы все в Альдене такого мнения о нас? – холодно поинтересовалась Тессария.

– Не знаю, – честно сказал я. – А вообще-то, это сарказм.

– Спасибо, что пояснил!

– Ты же сама просила!

– А я и благодарю!

– А я и не возмущаюсь!

– Заметно.

Я вздохнул. Так всегда: жителям одного города кажется, что в других городах живут какие-то чудаки, а то и вообще нелюди. Конечно, если много путешествуешь, то такое ощущение пропадает, но всё-таки не полностью. На жителей Альдена будут косо смотреть в любом другом городе нашей страны: «ох уж эти столичные пижоны!». Впрочем, и ворчание альденских бабушек у подъезда в стиле «Вот наехало провинциалов!» – дело обычное. Многие современные горожане никак не могут понять, что везде живут точно такие же люди, как и они, и нет разницы, где кому «повезло» родиться.

– Ладно, – вздохнула Тессария, – я знаю, что у вас к нам не шибко радостно относятся, да и мы не лучшие. Давай не будем поддерживать эти распри и сосредоточимся на работе.

– Согласен.

– Кстати, хочешь совет? Если хочешь быть похожим на нашего, прежде всего как можно реже употребляй слово «Гвинсберн». Мы чаще зовём его «Гвинс».

– Ага. Гвинс. Коротко и ясно.

– Молодец. Ещё месяц практики, и будешь похож на нашего.

– Эй, мы на столько не договаривались!

Тессария в ответ многозначительно улыбнулась.

– Ну давай, покажи, что ты там придумал?

Я взял гитару и сыграл свою наработку, прокомментиро-

вав, где проигрыши, а где куплет, и напев примерную мелодию голоса. К моему лёгкому разочарованию, Тессария не пришла в восторг и не пала ниц, и даже не похвалила в очередной раз моё «мастерство игры» (всегда считал и продолжаю считать, что оно курам на смех), а просто коротко кивнула:

– Хорошо, – и, видимо, решив, что мои старания всё же заслужили чуть большие, добавила: – Думаю, с этим уже можно работать. Ребята скоро придут.

Ба, становится всё интереснее и интереснее!

– Что за ребята? – спросил я.

– Мои друзья, тоже музыканты. Ты же не думал, что мы будем выступать только вдвоём?

– Э-э... – протянул я. Действительно, у меня мелькала мысль, что эту песню стоило бы исполнять не только с одной гитарой, чтобы она звучала не слишком просто и пусто. Но группа... нет, это здорово, но вдруг там какие-нибудь высокомерные снобы, которые посчитают выше собственного достоинства играть со мной? Знавал я и дёма таких ребят.

– Мне кажется, вы понравитесь друг другу, – заверила Тессария, каким-то образом догадавшись о моих мыслях. – Тем более, всё равно придётся ближайише полторы недели видеть их постоянно.

– Звучит оптимистично.

Ребята, которых Тесс позвала на «первую репетицию», са-

ми прекрасно знали, где она живёт и как до неё добраться, однако девушка, чтобы познакомить их с новым участником команды всех разом, всё-таки решила собрать музыкантов на ближайшей к дому остановке трамвая и пойти оттуда сразу на чердак.

– Итак, познакомьтесь, это Эри! – торжественно объявила Тесс, распахивая дверь.

Решив устроить эффектное знакомство с друзьями девушки, гитарист заранее отволок своё ложе в дальний тёмный угол чердака. Услышав топот поднимающихся по лестнице ног, он расположился на матрасе полулёжа, небрежно оперев гитару на согнутое колено. Пальцы сами заскользили по струнам, выдавая спокойную, ни к чему не обязывающую мелодию. Эри направил рассеянный взгляд куда-то в потолок, на секунду покосился на появившуюся в двери компанию, едва заметно кивнул им и продолжил созерцать потолочные балки, будто его совершенно не интересовало, что это за люди только что к нему вошли.

Впечатление произвести удалось. На несколько секунд повисла тишина – новоприбывшие с немым удивлением смотрели на будущего «коллегу». Затем Тесс, опомнившись, в пару прыжков преодолела расстояние до Эри, безжалостно выдернула у него из рук гитару и, со стуком оперев её о ящик, рывком подняла опешившего гитариста на ноги и потащила к остальной компании.

– Эй, полегче! – завопил юноша, попытавшись вырваться,

но хватка у Тесс оказалась на удивление крепкой. Эри только и оставалось, что смириться. Взглянув на ухмыляющихся друзей Тесс, он понял, что весь шарм «крутого гитариста» безбожно испорчен.

Пришедших было трое, и все они разительно отличались друг от друга. Больше всего внимания привлекал смуглый кудрявый парень лет двадцати, смуглый и кудрявый настолько, что он мог быть только иммигрантом откуда-то с юга. Несмотря на высокий рост, силачом его назвать было сложно – необычный приятель Тесс был щуплым и будто бы немного непропорционально вытянутым вверх. Белая футболка делала смуглую кожу ещё контрастнее. Взглянув на Эри, иммигрант продемонстрировал идеальную белоснежную улыбку и не совсем правильное владение языком:

– Приветствие, друг!

Второй был одного роста с Эри и, должно быть, его ровесником. Русые волосы до плеч, острый нос, искривлённые в дружеской ухмылке губы и весёлые глаза с прищуром – очень живое лицо, почти постоянно находящееся в движении. В таком за версту признаешь юмориста и душу компании. Даже одежда – вытертая джинсовая рубашка и такие же порванные, как и у самого Эри, видавшие виды штаны. За плечом болтался длинный широкий чехол, в котором, несомненно, скрывалась бас-гитара. Басист немедленно протянул руку, и гитарист, слегка замешкавшись, пожал её в ответ.

Третий приятель Тесс – ростом с южанина, но гораздо крепче сложен: куда шире в плечах (Эри сразу почувствовал себя дохляком). К тому же голубоглазый блондин с коротко подстриженными волосами и наметившимся двойным подбородком. Совершенно картинный персонаж – на иностранных кинолентах по такому сохнут красавицы в высшей школе. Этот образ ещё больше подчёркивала синяя футболка с белой цифрой «8», причём непохоже было, что блондин её купил в какой-нибудь сувенирной лавке – видимо, и правда настоящая форма. «Восьмой» смотрел на Эри с небольшой насмешкой, но в целом без какой-либо неприязни. Интересно, на чём он играет? Клавиши ему едва ли подойдут. Барабаны? А может, он вообще вокалист и они с Тесс поют дуэтом? Эри представил, как толпа юных девушек с восторженными визгами кидается к сцене, на которой поёт этот покоритель женских сердец. Если он и правда вокалист, аншлаг им, похоже, обеспечен.

Тесс представила своих друзей:

– Эри, знакомься, это Тим. Он наш басист и вообще весёлый парень, так что, я думаю, вы поладите.

– Поладим?! – возопил Тим. – Тессария, твой новый друг украл мои старые джинсы! – и в подтверждение показал вначале на свои штаны, а потом на Эри. У обоих были точь-в-точь одинаковые дыры на коленях, да и остальной внешний вид не сильно отличался. Все рассмеялись, даже Эри, который опешил, на мгновение подумав, что его серьёзно обви-

няют в краже штанов.

– Да ладно тебе, Тим, ты в этих штанах уже который год ходишь! Мне начинает казаться, что у тебя других и не было, – поняв, что в сказанной фразе спряталось язвительное зёрнышко, Тесс на всякий случай добавила: – Без обид.

– Конечно, – ухмыльнулся басист, как-то неуверенно отступив на полшага назад, словно девушка его и вправду смутила. Тессария тем временем указала на южанина:

– Эри, это Соэль. Соэль – Эри.

– Здравствуйтэ, – акцент южанина был сильнее, чем показалось вначале. – Я рад знакомится.

– Я тоже, – кивнул Эри, пожимая протянутую руку.

– Соэль у нас всего пару месяцев, он приехал из... ээм, прости, друг, я забыла, откуда ты родом?

– Андари, – ответил Соэль и показал пальцем на себя. – Я – Андари.

– Он приехал сюда с семьёй, – продолжила Тесс, – а в нашей группе он вместо барабанщика.

– «Вместо»? Это как?

– Скоро увидишь. Да, у нас ещё есть клавишник, Одди. Он мне позвонил, сказал, что родители заставили его убраться дома, и он придёт через пару часов. Вот, в общем, и вся группа.

– Тессария, ты не познакомила меня ещё с одним человеком, – Эри удивлённо приподнял бровь. Девушка вдруг смутилась:

– Ах да. Эри, познакомься, это Рамси. Рамси, это Эри.

– Я уже понял, Тесс, можешь не беспокоиться, – с усмешкой произнёс спортсмен и сжал руку юноши. Эри чуть не охнул от неожиданности, настолько сильным оказалось рукопожатие. Силач расплылся в улыбке – должно быть, именно такого эффекта он и ожидал.

– Рамси, ты тоже в группе? – спросил Эри, тайком потирая побаливающую от свершившегося знакомства ладонь.

– Нет, я не музыкант, можешь не волноваться, – усмьльнулся силач. Тесс прильнула к плечу парня и, положив на него руку, сказала:

– Рамси – мой парень.

Эри сморгнул, глядя на «сладкую парочку», и сказал:

– Ага, ясно. Приятно познакомиться, Рамси.

– Тесс, – пробубнил вполголоса силач, – по-моему, он славный малый!

– Вроде того, – улыбнувшись, кивнула девушка.

Конечно, я уже знал, что у Тессариш есть «приятель, который больше чем приятель», но всё равно личность атлетичного здоровяка меня удивила. Наверняка он играет в какой-нибудь юношеской команде по футболу – таким туда прямая дорога... Что ж, у госпожи Тессариш Вальдениер превосходный кавалер, с которым никто не захочет лишний раз связываться. Интересно только, зачем она его сюда притащила?

После знакомства с новыми коллегами (и Рамси) было решено устроить «мозговой штурм» по поводу песни, и Тессария со своей атлетичной второй половиной отправились вниз за стульями. Все три стула (Тим предпочёл опилки, а мне хватало и моего матраса) притащил на себе Рамси и, судя по всему, это ни капли не было ему в тягость. Он бы ещё и пианино клавишнику мог прикатить вторым заходом (это, конечно, ужасе вряд ли, но моё едкое воображение было не остановить).

Мы расселись в круг, и Тессария начала:

– Итак, как вы все знаете, до конкурса у нас осталось девять дней, и мы должны сочинить и отрепетировать одну песню, и обязательно нашу собственную.

Я невольно скрипнул зубами. Девять дней! Даже если мы быстро напишем песню и будем репетировать каждый день, это будет непросто. Ведь невозможно постоянно играть одну и ту же песню – через какое-то время обязательно стухнешь и битый час будешь заниматься бездумными импровизациями, забыв о «великой цели». Я играл несколько раз с друзьями и знаю, что всё бывает именно так. Тем более, что тут ещё и предстоит игра с доселе неизвестными людьми.

– ... Так вот, у Эри есть наработка, которая мне нравится, и из которой можно попробовать сделать песню. Эри, покажи, что ты там придумал!

– Одну минуту, – я взял гитару и брякнул аккорд. После

рукопожатия здоровяка нужно было немножко размять пальцы, чтобы не допустить позорных сбоев. Я автоматически начал играть «Старую Грымзу» и остановился, услышав стон Тессарии:

– Нет, только не её!

Тим прыснул в кулак от сдерживаемого смеха. Рамси недоумённо посмотрел на свою девушку, трагично закрывшую лицо рукой. Соэль улыбнулся. Интересно, он-то хоть знает песню про сверчка?

– Прошу прощения, это не та наработка, это я разыгрываюсь, – я немножко побегал пальцами по струнам и, решив, что для начала хватит, поднял руку, требуя тишины.

– Так вот, это простенькая вещь, я её придумал только вчера-позавчера. Названия пока нет, текст в проекте, песня будет про город на крышах...

– Играй уже! – нетерпеливо перебила Тессария.

Я одарил её неприязненным взглядом (умеренно неприязненным, помня о сидящем рядом Рамси) и начал играть то, что сочинил вчера. Сегодня получилось не особо чисто, да и одно место я сыграл не так, как задумал. Хотя, кажется, получилось даже лучше. Надо будет запомнить...

Доиграв последний аккорд, я пояснил:

– Ну, в общем, это начальный проигрыш и сдвоенный куплет. Я так думаю.

– Мне нравится, – сообщила ребятам свой вердикт Тессария.

На пару секунд наступила тишина. Все осмысливали услышанное.

– Как-то простовато, – подал голос Тим.

– Но это же только наработка! – парировала Тесс. – К тому же ты сам можешь сыграть под эту партию что-то более интересное.

– Может быть, – кивнул Тим. – Ладно, сгодится. Всё равно у меня было бы хуже, – добавил он с ухмылкой.

– Рамси, что скажешь? – спросила Тессария.

– Это, ну, как бы... – спортсмен усиленно начал работать всеми мышцами лица, пытаясь найти нужную мысль. – Милая, ты же знаешь, я во всём этом мало разбираюсь, так что делай как считаешь нужным.

– Но мне хочется знать твоё мнение, – девушка мигом сделала «огорчённую мордашку», после которой от ответа здоровяку было уже не уйти.

– Ну, я думаю... ээ... хорошо. Подойдёт. Тем более, он, – Рамси кивнул на меня, – вроде бы здорово играет.

Я был другого мнения – мне-то слышны все мои «косяки». Ну да ладно, всё равно Рамси ничего не понимает в гитаре, иначе его девушке не пришлось бы искать гитариста.

– Созль, ты что скажешь? – спросила Тессария у южанина.

– Сказать... что скажешь... о что? – переспросил южанин.

– Про песню. То, что сыграл Эри, – девушка лишний раз

показала на меня. – Песня. Мелодия. Музыка. Тебе нравится?

– О, музыка! Нравится. – облегчённо улыбнулся Соэль и ударил себя кулаком в грудь: – Хорошо! Эри хороший музыка!

...Если честно, после того, как Тим назвал мою наработку «простоватой», у меня мелькнула надежда, что Тессария выбросит эту мысль из головы, и мы сыграем что-нибудь совершенно иное – то, что не взваливало бы на меня ответственность за будущую песню. Но всё опять сложилось не так. Похоже, мой «Город на крышах» был для меня неизбежен.

Глава шестая.

Первая строка

Оддмунд Вергаур был самым младшим из друзей Тесс. Гордо звучащие полное имя и фамилия не вязались с «весьма скромной» внешностью, и поэтому все звали его просто Одди. Четырнадцатилетний ребёнок, низенький, щуплый (не как Соэль, у которого такое сложение было по природе, а из-за болезненного детства), слегка согнутый вперёд, в больших очках, часто заикающийся при разговоре – жизнь явно не торопилась делать ему подарки. У Одди, конечно, было доброе сердце и кроткий тихий нрав, но мало кто мог оценить эти качества из-за незаметности самого мальчишки. Единственное, с чем ему повезло, так это с не самыми обычными тёмно-золотистыми волосами – семейным наследством Вергауров-мужчин.

В школу Одди пошёл в 8 лет, на год-два позже других детей, и с первого класса из-за собственной неказистости неизбежно являлся объектом травли одноклассников и старших ребят. Били его редко, ибо Вергауры были условно состоятельной семьёй (условно состоятельной потому, что жили в отдельном небольшом двухэтажном доме, но владение этим «родовым гнездом» выливалось в очень большие тра-

ты для семейства), и испытывать на себе их гнев не хотелось. Но издевательств и всяческих тычков в спину было более чем достаточно. Конечно, терпеть это всё было больно и грустно, однако отец считал, что непростое детство закалит характер Вергаура-младшего и сделает из него выдающегося члена общества. Мать любила и всячески утешала Одди, но понимала, что едва ли сможет что-то изменить сама – одноклассники так и будут издеваться над её сыном, как ни учи их толерантности и взаимопониманию.

Друзей у Одди было мало. В школе – пара таких же изгоев из соседних классов, объединённых с ним одной участью, которая всегда заставляет детей-аутсайдеров сбиваться вместе. Но их взаимоотношения сложно было назвать настоящей дружбой: изгои держались настороженно даже друг с другом, подсознательно ожидая какой-то подлости с любой стороны. По сути, единственным человеком, кто хотя бы как-то обратил внимание на Одди, была Тессария, однажды пожалевшая маленького беднягу, которого жизнь и так обделила. Познакомившись через неё с доброжелательно настроенными Соэлем и Тимом, Одди почувствовал, что окружающий мир вовсе не так колюч и безжалостен, как это казалось раньше. Тем более что у них нашлось общее занятие: дома юного Вергаура учили играть на пианино, и хотя обучение шло с трудом, кое-чему он всё-таки научился. Поэтому Тесс с ребятами иногда приглашали его в качестве клавишника.

Вот и сейчас, узнав, что у Тессарии откуда-то появился

новый знакомый-гитарист, Одди еле-еле дождался окончания домашней уборки. И едва только мать, в последний раз протерев пыль на шкафу, устало махнула рукой – «ладно, беги, сынок», – обрадованный мальчишка умчался на автобусную остановку.

Репетиция продолжалась уже час. Играли мы прямо тут, на чердаке, и я даже позавидовал Тессариш, что у неё есть такое потрясающее помещение для отработки грядущего выступления. У нас в Альдене всё сводилось к репетициям по квартирам и в гаражах, а когда водились деньги – на репетиционных базах. Но здешний чердак был, на мой взгляд, почти идеальным решением: единственный сосед – ты сам, электричество – есть (Рамси подключил удлинитель, тянущийся сюда из квартиры), пространства хватает, а вся атмосфера помещения располагает к творческим поискам.

Большая часть громоздкой аппаратуры хранилась у Тессариш в углу её комнаты. Наша мисс «не-называй-меня-Тесс!», конечно, в жизни бы не позволила мне увидеть эту «святая святых» хоть одним глазком, но воображение само стало рисовать впечатляющие варианты тамошней обстановки, едва только Рамси вернулся оттуда с синтезатором и басовым комбиком⁶. Тим немедленно расчехлил

⁶ Комбик – жаргонное название комбинированного усилителя звука. Электронный аппарат в виде ящика с динамиком, используемый вместе с электронными

бас-гитару и, вставив кабель и настроившись, начал извлекать какой-то весёлый мотив. Это так только с виду кажется, что бас с его четырьмя толстыми струнами может использоваться только для скучных, монотонно гудящих мелодий – в руках умельца этот инструмент запросто становится символом лихого, безудержного веселья! Судя по всему, Тим действительно знал толк в игре на бас-гитаре: за час он уже изобрёл более-менее постоянную бас-партию, которая не была банальным дублированием⁷ партии моей гитары, а прыгала и перекатывалась по другим нотам, словно жила своей жизнью отдельно от моих аккордов (но ухитрялась не выходить из тональности). И, надо сказать, это слушалось здорово и ничуть не вредило песне. Хм, похоже я нашёл музыканта, с которым можно было бы основать какой-нибудь собственный проект... ха, до этого ещё слишком далеко. Мне следовало признать: я играю хуже Тима, и остаётся только надеяться, что это временно.

Впрочем, куда больше басиста меня поразил Соэль. С очередным рейсом Рамси принёс... странную конструкцию, состоящую из большого ручного барабана – кажется, это называется конго, – и с двух сторон к нему крепились бонго⁸.

инструментами.

⁷ Дублирование бас-гитарой основного тона аккордов гитары – очень распространённый приём в различных стилях музыки.

⁸ Конго – узкий высокий барабан, бонго – маленькие и обычно соединённые вместе барабаны. Более всего характерны для этнической музыки, латино и похожих жанров. На инструментах играют голыми руками.

С последних свисали длинные загадочные инурки с петлями на концах. Весь этот агрегат Рамси нёс одной рукой, в другой зажав куда более привычную стойку с одним крэш-цимбалом⁹ – такую можно найти в любой барабанной установке. Соэль преспокойно сел на ящик, поставил перед собой свой странный инструмент, сбоку установил крэш-цимбал и начал что-то отстукивать ладонями по конго.

– Значит... – начал было я.

– Да, всё верно, – опередила меня Тессария, – Соэль не умеет играть на обычных барабанах, но зато отлично владеет собственной установкой. Он говорит, это андарийский народный инструмент. Соэль, как ты его называл?

– Что? – Соэль прекратил разминаться и вопросительно посмотрел на девушку.

– Твой инструмент. Барабаны. Как он называется? Имя?

– Имя? – переспросил Соэль. – А, имя. Саддакан.

– Спасибо. В общем, Эри, перед тобой «саддакан», знакомься

– Привет, саддакан! – Я иронично поклонился инструменту, Соэль удивлённо посмотрел на меня и улыбнулся. Наверное, он всегда улыбается, когда не может чего-то понять в этом странном, не привычном для него мире?

Но в игре на саддакане Соэль был, наверное, очень хо-

⁹ Крэш-цимбал (*англ.* crash cymbal) – одна из тарелок в комплекте барабанной установки (а иногда и не одна), даёт самый громкий и мощный звук из всех тарелок. Чаще всего используется для подчёркивания акцентов сильным одиночным ударом.

рош. Я говорю так неуверенно только потому, что мне было не с чем это сравнивать. Южанин с лёгкостью выбивал из саддакана лихие дробы, и руки его мелькали то тут, то там, ни разу не промахиваясь мимо самих барабанов. Загадочные инурки, как оказалось, имели своё важное предназначение — просунув в петли носки ботинок, Соэль мог натягивать верёвки для усиления натяжения мембраны бонго, получая более высокий звук. Ловко придумано! Изредка Соэль ударял по крэш-цимбалу, словно вспоминая, что должен использовать и его. Звук получался глуховатым — хуже, чем получается, если ударить по цимбалу барабанной палочкой, Однако на ребре ладони южанина, как я потом увидел, была натёрта мозоль от частых ударов по тарелке, и когда я попробовал шутки ради ударить по его крэшу, звук получился ещё более глухим. А сам удар — весьма чувствительным.

Но самым главным было то, как саддакан вписался в получавшуюся у нас музыку. Как ни странно, от звучания народного инструмента андарийцев не исходило ощущения джунглей где-то на экваторе, — наоборот, в сочетании со звучанием «гуляющего» баса Тима и моей гитары у меня в голове ассоциативно выплывала картина именно небольшого городка, и именно его крыши и неба. Может, конечно, дело не в инструментах, но факт остаётся фактом — музыка была достаточно яркой и осязаемой... хотя нет, я понял, чего не хватает: клавишных.

За синтезатором сейчас стояла Тесс. Было видно, что

она не училась играть, но всё-таки пыталась выдать что-то в такт и в тон песне. Мы даже придумали, как именно будет звучать в сумме начало нашего «шедевра», кто когда вступает и что играет. Начинать, как главному козлу отпущения, приходилось мне. Всё было как всегда, что ни говори.

– Тессария, может, лучше попробуешь сочинить текст песни? – с притворной доброжелательностью протянул Эри после очередной не самой удачной попытки исполнения сочинённого.

– У меня творческий кризис! – проныла в ответ Тесс. То же притворно.

– Ну и что? А у меня низкая самооценка и изгнание из поэзии с приказом не возвращаться. И вообще, текст сам себя не напишет!

– Да что вы спорите о такой ерунде?! – вмешался Тим. – Если вы не можете ничего сочинить, предоставьте это мне!

Тесс смерила басиста угрюмым взглядом:

– Знаем мы твои тексты. «В старом замке жил барон и поил чайком ворон». Слышали уже.

Эри прыснул от смеха:

– Тим, у тебя все песни такие?

– Нет, – с подчёркнуто гордым выражением лица ответил басист. – Только половина.

– А вторая половина какая?

– Про межгалактический десант.

Эри не удержался и расхохотался на весь чердак:

– Тим, ты должен мне это показать!

– Нет-нет, – живо пошёл на попятную автор. – Я ещё не свёл эти сюжетные линии воедино! – и засмеялся, признавая абсурдность этой идеи.

– Они нашли друг друга, – пробубнил из тёмного угла Рамси, раскинувшийся прямо на матрасе Эри и уже полтора часа бездельничавший.

– Эй, Рамси, сделай доброе дело, – обратился к нему Тим, – скажи нам: то, что мы играем, вообще можно слушать тем, кто ничего не понимает в музыке?

Спортсмен хмуро взглянул на басиста и пожал плечами:

– А мне-то откуда знать? Может, сам расскажешь мне, что я должен думать о вашей песне?

– Неужели даже ничего не чувствуется? – спросил Эри, перебив уязвлённого Тима, который явно собирался сказать в ответ что-то не очень мирное и дружелюбное.

– Что ты имеешь в виду? – Рамси неодобрительно покосился на внезапно вклинившегося в их диалог гитариста. Чувствуя, что неосторожно подобранные слова могут вызвать негативную реакцию у парня Тессарии, Эри призвал на помощь всё своё красноречие:

– Ну, как бы сказать... Говорят, что настоящая музыка должна делать людей свободнее. В смысле, когда она звучит, ты чувствуешь, что нет непреодолимых преград, что всё ре-

шаемо. У тебя поднимается настроение, ты хочешь сделать этот мир лучше...

– Я ни-че-го в этом не смыслю, – процедил Рамси, прервав поток мысли юного теоретика. – Эти ваши вопросы не ко мне.

– Понятно. Мы все безнадёжны, – ухмыльнулся Тим, глядя на Эри. Тот, возможно, и собирался что-то сказать, но тут раздался стук в дверь чердака, окончательно прервавший разговор. Это был Одди.

Признаться, я был удивлён, впервые увидев нашего клавишника. Коротышка, совсем ещё ребёнок, с тёмно-золотистыми волосами, в каком-то выдавшем виды свитере и в больших очках, он робко стоял за дверью, сжимая в руках толстую папку – должно быть, с гаммами или чем-то подобным. Тессария немедленно представила нас друг другу.

Интересно, где она вообще его откопала? Обычный юный «ботаник», втайне озлобленный на жестокий мир. Из таких в будущем вырастают злобные гении, мечтающие взять в свои руки власть над человечеством... или такое всё же случается только в кино?

Мальчишка робко протянул мне руку:

– Оддмунд Вергаур. Значит, вы... Эри, да?

Я хмыкнул и пожал руку:

– Он самый. Ты ведь не обидишься, если я буду звать тебя Одди? – украдкой я стрельнул взглядом в Тессарию. Ин-

тересно, заметит она это или нет?

– Все меня так зовут, – без особого выражения в голосе проговорил мальчишка. Позже я понял, что у него вообще была такая манера речи, почти лишённая каких-либо эмоций в голосе. Защитная реакция, должно быть. А тогда, поначалу, я уж было подумал, что он просто обиделся на меня. А наша уважаемая госпожа «Тессария и никак иначе», похоже, так и не обратила внимания на мой скрытый выпад в её сторону.

– Одди, давай, я уступаю тебе твоё место, – и она церемонно поклонилась, отходя от синтезатора. Юное дарование подошло к инструменту и робко пару раз брякнуло по клавише... си, может быть. А может, и нет: никогда не умел определять ноту на слух.

– Так, а вы что замолчали?! – накинулась на нас Тессария. – Давайте репетируйте, у нас всего девять дней до концерта!!!

– Да! – гаркнул из угла Рамси, стараясь поддержать девишку. Оба обменялись весьма тёплыми взглядами.

И мы начали играть.

К середине дня требуемый отрывок песни был с горем пополам доделан. Последние полчаса четверо музыкантов играли его автоматически, без энтузиазма. Разве что Одди ещё не успел «погаснуть», и его спокойная клавишная партия, оформившись через несколько попыток, вплелась в пес-

ню ещё одним незаменимым компонентом. Эри поймал себя на мысли о том, что никогда не видел, чтобы незнакомые люди так быстро находили общий язык в музыке. Похоже, Тесс умела находить людей. Хотя его самого она нашла почти случайно... если это можно было так назвать.

– Вы давно играете вместе? – спросил Эри, когда отрывок был исполнен до конца в очередной раз.

– По-разному, – ответил Тим. – Я знаю Тессарию уже давно, мы даже когда-то... ээ...

Рамси, следящий за музыкантами с матраса в компании прикорнувшей у него под боком Тесс, мрачно сдвинул брови.

– ... учились в одном классе! – закончил Тим и, ухмыльнувшись, искоса посмотрел на здоровяка. Тот неопределённо хмыкнул и потерял всякий интерес к разговору. В конце концов, его главный интерес был рядом с ним. Вернее, была.

– Учились?

– Да. А потом меня перевели в другую школу. Для старой я был слишком плох, – Тим почему-то захихикал. – Тессария как-то раз позвала меня подыграть ей на басу на какой-то вечеринке, ээ... года полтора назад, что ли?

Со стороны влюблённой парочки донеслось неопределённое «мгу».

– Вот. Ну, я сыграл, и с того раза всё началось. Через пару месяцев Тессария привела Одди, мы стали репетировать втроём. Играли всякий бред, который я сочинял.

– Про ворон?

– И про них тоже. А месяц назад к нам пришёл Соэль, – Тим махнул рукой в направлении андарийца, тот заулыбался. – Он нам сразу понравился. С ним, конечно, первое время было тяжело, он по-нашему почти не говорил, но с тех пор заметно продвинулся в общении. Правда, Соэль? – Тим на всякий случай обернулся к южанину и махнул ему рукой, давая понять, что речь точно о нём.

– Тим говорить об я? – недопонял тот.

– Да, Соэль, я говорю о тебе! – разозлённый на вид Тим изобразил несколько непонятных, но весьма экспрессивных жестов.

– Соэль не понимает твои руки, – улыбнулся южанин.

– Соэль, выучи язык наконец!!!

– Соэль учится, – отозвался южанин. – Соэль не спешит. Я всё освоить.

Тим хлопнул себя по лицу и пробормотал что-то мрачное, затем, просияв, обернулся к Эри:

– Хорошо, что нашёлся хоть кто-то, с кем можно говорить без затруднений!

– Ы, – только и выдал в ответ Эри.

Тим вновь хлопнул себя по лицу и что-то проворчал.

Дальше этого короткого отрывка в тот день дело так и не пошло. Эри не мог ничего придумать в такой компании, особенно когда Тим, отойдя от «лексического шока»,

начал играть собственные песни про пресловутого барона, упившихся чаем ворон и злодея герра Чернопуза, который пытался оседлать мышь и ринуться штурмом на баронский замок. Из музыки, разумеется, был только бас; Соэль, вняв наставлениям своего «учителя», теперь внимательно слушал его бредни, путаясь в загадочном языке с каждым новым бессмысленным предложением.

– И вот, облачённый в лиловый жакет,
Он скачет на битву с собой —
Двойник Чернопуза свой точит стилет,
На клона до ужаса злой.
На поле безумья сойдутся они,
И в битве падёт Чернопуз... —

Тим выждал трагическую паузу и закончил:

Вот только какой же герр будет убит?
Не знаю. Однако, конфуз.

Заслуженных аплодисментов не последовало. Соэль напряжённо ожидал следующую «героическую балладу», надеясь, что в конце концов Тим объяснит, откуда у Чернопуза взялся двойник и как они оба оказались на Луне, когда пошли пить пиво в придорожный трактир. Одди молчал, разглядывая что-то в принесённой с собой папке. Тесс и Рамси по-прежнему лежали в обнимку на матрасе и что-то шептали

друг другу – всё остальное на чердаке, да и, похоже, в целом мире, их ничуть не занимало. Эри сидел под окном и старался не глядеть в ту сторону, мутным, усталым взглядом наблюдая за движениями пальцев Тима.

– Ну как тебе это? – поинтересовался «бард».

– Про ворон было лучше, – без каких-либо эмоций отозвался Эри. Это была уже тринадцатая песня о похождениях бредовых персонажей в бредовой стране, которую мог выдумать только басист.

– Ну ладно, – ничуть не смутился музыкант, – тогда оцени это! – бас-гитара исторгла несколько зловещих нот, предвещающих очередную главу.

– Тим! – донесся из угла умоляющий возглас Тесс.

– Ладно, так и быть, это вам на следующий раз...

Через какое-то время, убитое в этом странном безделье, все разошлись, договорившись встретиться завтра в полдень здесь же со свежими идеями. Ушли даже Тессария и Рамси, держась друг за друга, словно двое раненых. Я вздохнул свободнее: наконец-то! Пустой чердак куда больше располагал к мыслям. Я раскрыв окно и принялся разглядывать размытый горизонт, совсем стирающийся в преддверии сумерек.

Итак, сегодня мне довелось познакомиться с несколькими неплохими ребятами. Есть повод радоваться: Тессария набрала в свою группу занятный состав. Все мы друг на дру-

га не похожи, и всё-таки смогли на первой же репетиции найти общий язык. Это хорошо – теперь есть шанс успеть подготовить песню, уложившись в оставшееся время.

Единственное, что мне не нравилось – это присутствие Рамси. Я, конечно, понимаю, что чердак принадлежит дяде Тессарии, и поэтому она может приводить сюда кого угодно и когда угодно, но... уж если эта юная госпожа «хочу-петь-в-музыкальном-училище» собралась сочинять песню, стоит сосредоточиться на ней, а не развлекаться со всякими там футболистами, пока остальные сбивают себе пальцы и мозги.

Вот это да. Я что, ревную? ... Да нет, быть не может. Показалось.

Ну и хорошо.

Тесс вернулась поздно и, заглянув на чердак, нашла Эри склонившимся над исчерканным листком.

– Что ты пишешь? – спросила девушка.

– Ничего, – Эри мрачно показал замаранный лист, где не было ни одного неперечёркнутого слова. Тесс еле разобрала проглядывающие под слоем чернил фразы «Из-под облаков...», «Я сижу на крыше и...», «В городе моём...», «Распахнув окно, ты увидишь его» и ещё несколько вариантов. Судя по всему, юноша пока проигрывал бумаге в неравном бою.

– Совсем ничего, – отрезал Эри, заметив заинтересован-

ность девушки.

– А мне кажется, не такие уж и плохие варианты, – возразила Тесс. – Например, «Из-под облаков льётся солнечный свет».

– Нет. Это не то.

– Почему?

– Это не первая строка, – Эри на секунду наслаждался недоумением на лице собеседницы и нравоучительно продолжил: – Песню нельзя начать с абы какой строки. Для меня сложнее всего именно придумать первую фразу. Если она будет кривой, недостаточно цепкой или даже всего лишь легко заменимой на что-то иное, то и вся песня не заладится. Как начнёшь, так и закончишь.

Тесс подумала, что Рамси был прав, называя нового знакомого «слишком замороченным», когда они гуляли сегодня вечером. Чем дальше она сама общалась с Эри, тем меньше понимала, что им на самом деле движет. Но, по крайней мере, сейчас её компаньон честно пытался что-то придумать по тексту и сдвинуть дело с мёртвой точки, а это уже многое значило. Может, и правда стоит довериться его странным идеям?

– А как тогда понять, какая строка подойдёт? – спросила девушка.

– Ты почувствуешь это. Очень остро, так, словно ты знала её раньше и вдруг вспомнила.

– Кажется, понимаю... – неуверенно произнесла Тесс. –

Но что делать, если времени в обрез, а первая строка никак не приходит?

– Сейчас нас должно волновать не это, – Эри вздохнул, предчувствуя тяжёлый разговор. – Тессария, ответь мне на один вопрос.

– М?

– Ты хочешь победить в конкурсе?

– Конечно! – голос девушки не допускал ни малейшего сомнения в твёрдости её намерений.

– Тогда, будь добра, – Эри попытался говорить как можно спокойнее – занимайся на репетициях музыкой, а не своим парнем.

Ну конечно, она взъярилась.

– Мои отношения – это моё дело! Я хочу, чтобы Рамси тоже присутствовал и высказывал своё мнение! Оно для меня важно!

– И что же такого умного он сегодня сказал?

– Может, ещё скажет!

– Он же предельно ясно сообщил, что ничего в этом не смыслит!

Тессария наградила меня ну очень злобным взглядом. Я понимал, что затрагиваю опасную тему, и если ляпну что-нибудь не то – очень быстро окажусь выдворенным с чердака и изо всей этой затеи заодно, как бы я ни был необходим для конкурса. Но я чувствовал, что прав, и не мог молчать.

– Да зачем ты вообще его притащила?!

– Он сам попросился.

Ээ... я точно не ослышался?

– Рамси?

– Да, он, – холодно ответила Тессария. – И если даже он действительно не разбирается в музыке, значит, он сделал это ради меня.

Ну что тут можно ответить? Переубедить влюблённую девушку – всё равно что сыграть с ходу песню задом наперёд: стопроцентно собьёшься и окажешься неправ.

Мы молчали где-то минуту. Я уже было хотел извиниться за то, что вообще поднял эту тему – не потому, что действительно сожалел об этом (я ведь чувствовал себя правым), но потому, что ужасно хотелось прервать это неловкое молчание, а ничего умнее на ум не пришло.

Затем Тессария вздохнула и неожиданно сказала:

– Но, всё-таки, в одном ты прав.

Невероятно! Я что, всё-таки сыграл песню задом наперёд?! А Тессария продолжила:

– Мне следует больше уделять времени нашей песне. Как ни крути, нам до конца бесконечно далеко...

– Что ты сказала?! – Эри чуть не подпрыгнул на месте. Тесс удивлённо взглянула на юношу:

– «Нам до конца бесконечно далеко»... А что такое?

Эри тут же принялся что-то черкать на оборотной стороне

исписанного листа. «Бесконечно, бесконечно!» – радостно бубнил он себе под нос.

– Ты что-то придумал?

– Сейчас, сейчас, – Эри размахивал рукой, словно вдохновенный живописец по холсту. Тесс попыталась заглянуть в листок, но юноша, грозно взглянув на неё, отвернулся, и всю последующую минуту девушка наблюдала только многообещающую спину.

Наконец Эри закончил и, развернувшись к Тесс, с довольной ухмылкой положил перед ней лист с одной-единственной неперечёркнутой фразой:

«В городе моём бесконечно светло»

Глава седьмая.

Чувство стиха

Первую строку, конечно, найти непросто, но стоит только её отыскать – и тут же, откуда ни возьмись, приходит настоящий шквал энтузиазма. Утром следующего дня Тессария притащила на чердак целый куплет. Надо сказать, даже не самый плохой куплет – я уж начал было думать, что её поэтических способностей будет недостаточно, но девушка показала, что может сочинять на нужном уровне.

Правда, со второй же строкой у нас вышел спор.

– Ну что это такое? «В городе моём бесконечно светло... Здесь нет грустных лиц, и далёкий шум машин не слышен». Тебе не кажется, что здесь что-то не так?

– Ээм, – Тессария замялась, – не знаю... эта строка пришла на ум, и я её написала.

– А ты раньше сочиняла стихи?

Девушка кивнула:

– Бывало несколько раз, но...

– Ты писала их с ходу?

– Да! – выпалила Тессария. Я скептически посмотрел на неё, вынуждая покопаться в памяти чуть глубже. Она

тут же поправились: – То есть нет. Я долго над ними думала.

– Верю. Но над этим, сдаётся мне, ты думала мало. Ладно бы ещё форма, но вот смысл... Во-первых, какие ещё лица на крышах? Во-вторых, как связано отсутствие лиц и отсутствие шума машин?

– Мне показалось, что...

– В-третьих! – я распахнул окно. На чердак вместе с порывом ветра ворвался звук надрывающегося где-то под окнами клаксона. Я многозначительно посмотрел на Тессарию.

– Так что в-третьих? – недоумённо спросила она

– А ты не слышишь? До крыши всегда долетает городской шум. Это неотъемлемая часть нашей картины!

Возможно, мои аргументы были притянуты за уши. Но что ещё я мог сказать ей, если я чувствовал, что с этой строкой что-то не так, а вот что именно – объяснить не мог? Не всегда в стихах балом правит логика, но и не следует по этой же причине скидывать её со счетов. Надо просто заменить строку на такую, которая не будет вызывать раздражения. Как ни странно, мои «длинноухие» аргументы подействовали.

– Ясно, – вздохнула наша «горе-поэтесса». – Никуда не годится.

– Куда-то оно, может, и пойдёт, но не сюда точно. Нужно продолжение фразы «бесконечно светло».

– Например?

– Например... – Я задумался. Надо зарифмовать со словом «лишним», там последняя строка куплета «В танце, для которого ты не будешь лишним». Кстати, и это место мне тоже не нравится... Во всей паре что-то не то.

Я попытался представить город таким, каким я его видел из окна в День Воссоединения, сидя здесь в ловушке. Тогда было очень, очень солнечно, именно «бесконечно светло», и...

– Солнечные дни... выгорают пятнами на крышах, – это даже не я сказал, а будто само собой проговорилось. Тессария немедля записала новорожденную строку и наморщила лоб:

– Мне кажется, нужно ещё подумать.

– А что тебя не устраивает?

– Тебе не кажется странным, что дни выгорают пятнами? – после некоторого молчания произнесла она. – По-моему, люди так не говорят.

– Я же сказал.

– Я имела в виду, **НОРМАЛЬНЫЕ** люди так не говорят. – Самодовольная усмешка Тессарии была настолько выразительной, что я решил не дарить ей удовольствие и пропустил колкость мимо ушей. Поняв, что провокация не удалась, Тессария вернула серьёзную маску на лицо и спросила с нажимом: – А ты не хочешь подумать ещё раз, как ты сам мне только что предлагал?

Ловко, подловила меня на моём же совете. Но фраза-«са-

мородок», сорвавшаяся с языка, мне слишком нравилась, чтобы что-то в ней менять.

– Согласен, так не каждый скажет. Но ведь у нас и песня не такая, как у всех, и город не такой, как у всех. Здесь всё другое, именно в этом наша идея. То, что солнечные дни выгорают пятнами на крышах – это очень яркий образ, который увлекает мысль, уносит её куда-то прочь...

Отчаянная жестикуляция девушки ясно сообщила, что этот раунд остался за мной. «Ради всего святого, хватит уже этих излишеств потока сознания!» – так и читалось на искривившемся лице.

– Ты что, против? – Я состроил самую невинную гримасу, на какую был способен.

– Нет, просто я...

– Завидуешь?

И всё-таки есть что-то смешное в том, когда она так злится – лишь вполосину серьёзно. Ну а что, неужели я виноват, что у меня строчка родилась сама по себе? Тем более, я и сам слегка удивился.

– Нет, наоборот, не завидую.

– Почему?

– Тебе, наверное, сложно объясняться с людьми. Они не понимают ничего из того, что ты говоришь.

– Да нет, это просто я голодный. Мы вообще, завтракать сегодня будем или как?

Взгляд Тессарии был уничтожительным, но я уже при-

вык, что без него в этом доме ничего не обходится.

Небо так и не прояснилось, но всё же облака несколько поднялись. Радио, которое Тесс включила за завтраком, общало о скором улучшении погоды. «Это хорошо, что выйдет солнце», мимолётно отметил про себя Эри, «будет проще додумать песню о городе, в котором бесконечно светло». Но тут внезапно на ум пришла совершенно другая мысль, о том, что вообще-то, по-хорошему, следовало сделать куда раньше.

– Можно от тебя позвонить?

– Куда?

– Домой. В Альден.

– Но это же междугородняя связь! – удивилась Тесс. Эри посмотрел на неё с видом знатока всех вселенских тайн:

– Спасибо, я в курсе. И что с того?

– Но это же... дорого! У тебя есть деньги на звонок?

– Три сотни ремов хватит?

– Эээ... – девушка понятия не имела, как дорого обходится минута разговора с Альденом, поскольку никогда не звонила туда, и ограничилась расплывчатым: – Смотря сколько ты будешь говорить.

– Да ладно, я же не собираюсь полчаса трепаться. Так что, можно позвонить?

– Телефон в прихожей, – махнула рукой Тесс.

– Короче, я тут ещё на неделю с лишним остаюсь. Теперь понял?

– Ага, – отозвался Кэл. – Ну и история! А я уж думал, не случилось ли с тобой чего дурного.

– Да уж, – понизив голос, буркнул я. – Понаслучалось на год вперёд. Ну так что, приедешь?

– Не, старик, не знаю. Деньги искать надо, да и мама просила шкаф собрать...

– Кэл, твой шкаф займёт максимум день!

– Всё равно, тут ещё дела... Я пока не знаю.

– А когда будешь знать?

– Дня через три... может быть.

В этом весь Кэл. Когда наклёвывается что-нибудь важное и ответственное, постоянно слышишь его «не знаю». Чаще всего под этими двумя словами прячется отказ, которым не желаешь оскорбить друзей. Я-то уже привык к этой черте Кэла, но, ради всего святого, лучше бы он сейчас сказал что-нибудь определённое!

– Ладно. Слушай, подожди секунду, – Я прикрыл телефонную трубку рукой и поглядел в сторону кухни. Сидевшая там Тессария с грозным видом тыкала в запястье своей же руки. Уже минут пять этой гимнастикой занимается. Интересно, она хочет что-то мне...

Время! О господи, время!

– Кэл, извини, мне пора заканчивать. Я перезвоню, как только достану деньги.

– Договорились, – обрадовался приятель. – Главное, не пропадай там!

Я повесил трубку и посмотрел на Тессарию. Её взгляд осуждал: видимо, всё-таки разговор был слишком долгим.

– Сколько? – спросил я.

– Двадцать пять минут.

– ?!.. Да я ещё целых пять минут говорить мог!!!

– Оставишь на следующий раз. – Глядя на моё выражение лица (ну нет, на сей раз я не собирался сдерживаться!), Тессария торжествующе улыбнулась. «Сделал гадость – сердцу радость», называется. – Пошли на чердак, скоро уже ребята должны подойти.

– Ты за это ответишь! – мстительно пообещал я, поднимаясь с табуретки.

– Не раньше, чем ты.

– Договорились.

К полудню все были в сборе. Последним явился Тим с многозначительной улыбкой на лице и, одарив ею каждого на чердаке персонально, объявил:

– Я новую песню написал! Вот, слушайте! – И, ловко выхватив из-за спины висевшую на ремне бас-гитару, затянул под грозный аккорд: – Сгущается мрак над волшебной страной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.